Сергѣй Алымовъ.

КІОСКЪ НѢЖНОСТИ.

СТИХИ.

1920.

ПР

Пров. 1956

Пр.

Генри—

Тебѣ послѣдней и Первоначальной, чьи смарагдныя тенета благословляю нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, эту книгу съ глубокой нѣжностью приношу.

РАЗБРЫЗГЪ.

PV

РАДУГА ДНЕЙ.

Дюма Талоше, самому тонкому эротику послѣ Бердслея.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

Понедѣльникъ это—денди съ синевою подъ глазами,
Понедѣльникъ—тонкій мальчикъ, знавшій спальню королевъ,
Для котораго баллада умерла въ мѣщанской драмѣ.
Сталъ ты синимъ, понедѣльникъ, ночь алойно проалѣвъ!

Равнодушье и усталость тяжелятъ твои рѣсницы.
Сколько выпитыхъ бокаловъ, разбутонившихся устъ!..
Но увяли поцѣлуи и прочитаны страницы,
Широко зѣваетъ кубокъ, что стоитъ, какъ сердце, пустъ...

Королевы ласки—сказки!.. Королевы ласки—небо!
Но на утро королева стала буднично живой.
Понедѣльникъ! Ты портретишь меланхолію эфеба
Съ грустью взоровъ догорѣвшихъ, окаймленныхъ синевой.

ВТОРНИКЪ.

Во вторникъ мнѣ грустно, что я потерялъ понедѣльникъ...
Во вторникъ мнѣ грустно, что женщинъ не зналъ я вчера.
Себя укоряю: несносный, мечтальный бездѣльникъ!..
Ну, можно ли грезъ и скукѣ дарить вечера?!..

Во вторникѣ много весенней, танцующей лѣни...
По вторникамъ, въ сердцѣ—желанье фіалкой цвѣтетъ,
У дѣвушекъ нѣжныхъ дрожатъ безпричинно колѣни
И женщины хрипло гадаютъ: «онъ скоро ль придетъ»?!

Во вторникъ, всегда, примитивны влеченья эстетовъ.
Во вторникъ, лобзанья обиліемъ спорятъ съ дождемъ,
По вторникамъ, чуткія дамы не носятъ корсетовъ
И страсти, во вторникъ, не скажетъ никто: «подождемъ»!..

СРЕДА.

Въ среду—испанка... Ахъ, въ среду—испанка!..
Крики... Царапины... Ласки оранжевы.—
Съ варварскимъ свистомъ играетъ шарманка.
Шепотъ: «Смѣшной, не умрете отъ ранъ же вы»!?

Въ черепѣ—печь... Кто то жаритъ каштаны...
Складки простынь изкошмарены Гойя.
Золото дыни и тѣла гитаны,
Пляшущей въ темной тавернѣ нагою...

ЧЕТВЕРГЪ.

Четвергъ—голубой шевалье,
Измявъ безупречныя брыжжи,
Смыкаетъ смарагдо—колье
На шеѣ красавицы рыжей.

Потомъ, голубой променадъ
Въ рѣзномъ, золотомъ паланкинѣ...
Потомъ—возвращенье назадъ
И чай въ надушенной гостиной...

Варенье изъ розъ, марципанъ...
Ликеръ изъ цвѣтовъ незабудки,
И, вотъ ужъ, альковный капканъ
Поймалъ голубую малютку.

Уродливый снятъ кринолинъ...
Разсыпался жемчугъ подвязки...
Въ четвергъ—у самихъ Мессалинъ
Тоска по сапфировой ласкѣ.

ПЯТНИЦА.

Зеленые глаза—очарованье пятницъ.
Зеленые глаза у женщинъ изъ огня...
Зеленые глаза мечтательныхъ развратницъ,
По пятницамъ я—вашъ, зеленымъ зовамъ внявъ!..

Абсентные глаза—иллюзія Парижа!..
Двѣ рюмки красоты въ которыхъ—изумрудъ.
По пятницамъ, душа всегда къ Уайльду ближе...
По пятницамъ, въ душѣ—желаніе причудъ.

По пятницамъ нѣтъ силъ уста къ устамъ приблизить,
Преподнеся любовь въ простѣйшей изъ оправъ;
Страсть въ пятницу нельзя естественнымъ унизить...
Въ гашишный этотъ день одинъ эксцентрикъ правъ!

СУББОТА.

Суббота—желтый плащъ на будняхъ
Изъ шелка, знавшаго Египетъ.
Въ субботу сильному не трудно
Медаль изъ жизни звонко выбить.

Въ субботу хочется топазы
Тигриныхъ глазъ всѣмъ сунуть въ кольца...
И видѣть дѣвъ подъ жаркимъ газомъ,
Зажегшихъ сумракъ богомольца.

Въ субботу хочется смѣщенья
Порядковъ жизни въ игръ безпечность,
Чтобъ, бросивъ радости мгновенье,
Сейчасъ же вынуть безконечность!

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Воскресенье—красный кардиналъ.
Гейзеръ ослѣпительнаго рдѣнья,
Подносящій радостный фіалъ,
Алаго, какъ пурпуръ, наслажденья.

Воскресенье—царственность грѣха,
Подъ трезвонъ всей бронзы Ватикана..
На кокотки бѣлые мѣха
Падаетъ багряная сутана...

Воскресенье—летъ колоколовъ,
Что парятъ надъ иноками, рдѣя...
Воскресенье—схимница Ланкло
Съ алою, какъ сердце, орхидеей.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Новый Годъ пришелъ—малютка бѣлый...
Новый Годъ стучитъ колчаномъ въ дверь
Новыхъ грезъ.—Душѣ осиротѣлой
Говорю: „небывшему—повѣрь“!

Всѣ сковались змѣйнымъ серпантиномъ...
Итальянецъ арію поетъ.
Новый Годъ къ несозданнымъ картинамъ
Зоветъ.

У моей сосѣдки пухъ вербены
На вербенной грѣется груди...
На тарелкахъ—снѣгъ шампанской пѣны
И любви бураны впереди...

Новый годъ начну я новой страстью...
Новый годъ открою новымъ я.
Женскихъ устъ карминится причастье...
Не любовь ли мудрость бытія?!.

Новый Годъ—амуръ въ собольей шубкѣ,
Въ колпакѣ изъ ландышей и розъ.
Ты невидимъ,—и сосѣдку въ губки
За тебя цѣлую я въ засосъ.

А она въ отвѣтъ бедромъ шуршащимъ
Прикоснулась радостно ко мнѣ...
И ботинкой узкою все наще
Говоритъ о пламенной веснѣ...

Новый Годъ, тебѣ я благодаренъ...
И сосѣдки ножку я пожалъ,
Въ знакъ того, что скоро въ будуарѣ
Страсть вонзитъ восторженный кинжалъ!.

ФІАЛКОВАЯ СИМФОНІЯ.

Віольно-віолетовой Віоль—Люлю.

I. ИНТРОДУКЦІЯ.

Віолѣ віольной, Віолѣ фіалковой...
Віолѣ Шопенной, шаблисто-кларетовой,
Не нашей, нездѣшней; очащей русалково,
Гобои и скрипки симфоны поэтовой.

Тебя обнимая мечтою браслетовой,
Слѣжу твою поступь качельную, валкую
Ты ходишь матчишно, порой менуэтово
И кажешься, мытой въ токайскомъ, фіалкою.

Тебя называю за губы коралкою.
Зрачки у тебя, какъ весна, фіолетовы,
Ты ритмила грезы Бодлеро-качалкою
Оча, на концертѣ въ поэта, стилетово!

И пѣла Віола віол-віолетово...
И пѣли віолы Пармической прялкою,
И пѣла душа, колыхаясь эгретово,
Въ віольный гамакъ западая съ фіалкою.

II. ANDANTE IN MODO DI CANZONA.

Улюлюкапи флейты, какъ въ поляхъ колокольчики,
Зазывая томительно: «улю-лю, улю-лю...»
Надъ головкой остриженной завились ореольчики
Надъ головкой остриженной королевы Люлю...

Ахъ, Чайковскаго странная арабеска Четвертая!.
Сколько разъ тебя слушаешь и всегда ты—экстазъ.
Зыбно море миньонное и андантю у борта я
Среди звѣздъ найти думая двойники ея глазъ.

И звенятъ колокольчики, малыши-колокольчики
Голубые, наивные, вырѣзные цвѣты...
Мандолинныя дѣточки, голубые мандольчики
Флейты ландышно-шорохны; ну, а шорохна ль ты?...

Ты какъ будто отйшилась, ставши флейтно-мечта-
тельной;
Мой гамэнъ, предлагающій пряныхъ ласкъ «Фигаро»;
И твой профиль камеится, какъ волторна вздыха-
тельный,
Въ долорозную грустницу превратился Пьеро...

Финьшампанная музыка... она всѣхъ убаюкала...
Задремала задорная *Никого-не-люблю;*
А гашишныя флейты славословье люлюкали.
И хваленье двухсложное было имя: Люлю...

III. SCHERZO PIZZICATO.

Съ віолино-віолѣтовой Віолой,
Что овыдрила покатость скатныхъ плечъ,
Я хотѣлъ бы раствориться въ баркаролѣ
И въ бассейнъ чайковской музи флейтно лечь.

Я Віолой окрестилъ ее за малость
За капризный тѣла звонкаго извивъ,
И за устъ ея Амброзіовоалость
Этой алости романсовой не нивъ,

И когда впивались въ нервы скрипокъ жала,
И когда стегалъ эмоціи гобой,—
Віолетная Віола взоръ встрѣчала
И качала предначертанной судьбой.

И когда журчали флейтные фонтаны
И когда кларнета искрилъ звукометъ,
И гудѣли мѣднотрубные платаны,
Я сказалъ упрямо сердцу: «мигъ придетъ!».

Шелестѣли, какъ шеяка, віолончели,
Контробасы замурлыкали насъ въ сонъ.
Мы лежали въ віолетовой постели
И тѣла и души пѣли въ унисонъ.

О, съ Віолой віолетовой истомиты!.
О, съ Віолой подъ віолы нѣгу длить!.
У Віолы кожа, вымытая въ ромѣ,
Ромокожа можетъ разумъ помутить...

IV. FINALE.

Расходится тояпа... Фойе пустѣетъ...
Вуалясь, потухаютъ зеркала...
Согрѣтыя мечтанья холодѣютъ
Грезь умерла...

У вѣшалокъ Содомъ... На шеяхъ голыхъ,
Удавами въ снѣгу, скользятъ боа...
Мнѣ хочется съ тобою быть, Віола,
На Самоа!.

Ознобленной душѣ тепло желанно
И тихихъ ласкъ чуть внятное «туше»
«Жизнь можетъ быть ликерчато-бананной«
Поетъ въ душѣ..

Пустыню жизни можно сдѣлать садомъ,
Не бойтесь только говорить: «люблю»
Ущелье поцѣлуйное въ награду
Дай мнѣ, Люлю!..

„КОНЦЕРТЪ" ДЭ СВЭРТА.

Віолончель вельветитъ.. о, грація дэ-Свэрта!
Весеннія признанья, весенняя тоска.
Пчелиное жужжанье—теченіе концерта,
Пчелиное жужжаніе у розы лепестка.

Жасминовая струнность и струнная жасминность
Мурлыканье влюбленныхъ. Покой... покой... покой...
И хочется улечься подъ неба балдахинность
И хочется умчаться за гаммною рѣкой.

Какъ тихо... неподвижно... Какъ много лунной лѣни...
Движенія постылы... Не надо ихъ!.. Зачѣмъ?!
А звуки упадаютъ.. не звуки, только тѣни,—
Лишь тѣни.. глухъ и нѣмъ я. И каждый глухъ и нѣмъ.

И сердце погруженно качелится нирваной.
Віолончельный сладокъ и вяжущъ хлороформъ,—
Одымленный наркозомъ гудящаго кальяна,
Я—внѣ любви. Внѣ мѣста... внѣ времени и формъ.

СЪ ЖАСМИНОМЪ.

I

Приди бѣлоснѣжная,
Мой ласковый Богъ!..
Желанья мятежныя
Убить я не могъ.

Жасминами бѣлыми
Наполненъ покой,
И грезами смѣлыми,
И дикой тоской..

Съ послушною скрипкой
Дѣлю я печаль.
Мелодіей зыбкой
Изранена даль.

Постель ароматная.
Ждетъ сказки грѣха...
Приди, благодатная!..
Молитва тиха.

II

Ты пришла, наконецъ, ты пришла...
Дорогую сняла свою шляпу—
И, смѣясь, сенъ-бернара взяла
За большую мохнатую лапу.

Уронила на скрипку манто...
Протянула капризно уста мнѣ,—
И поблекшей гравюрѣ Ватто
Улыбнулись колецъ твоихъ камни.

Я унесъ тебя къ бѣлымъ цвѣтамъ.
Положилъ на душистое ложе
И припалъ изступленно къ губамъ,
Къ надушенной фіалками кожѣ.

Ты закрыла стыдливо глаза
Разстегнула шуршащее платье,
И нахлынувшей страсти гроза
Закружила насъ въ дикомъ объятьи.

Я ласкалъ упоенья руки...
Покрывалъ поцѣлуями спину—
И роняли на насъ лепестки
Снѣговыя малютки жасмины.

III

Играла бѣлыми цвѣтами
Жасминомъ кинула въ меня,
А въ небесахъ подъ облаками
Сочилось кровью сердце дня.

Изъ тихой дали вышелъ вечеръ...
Прохладный бризъ принесъ землѣ,
Она, вдругъ, зябко скрыла плечи
Въ волосъ колеблющейся мглѣ.

Въ меня метнула длинновзглядомъ.
Покорный ей я скрипку взялъ
И западая въ душу ядомъ
Больной Warum затрепеталъ.

«Душа любви»...—она шепнула,
«Душа безумій на струнахъ»!..
И, вся нагая, утонула
Въ полупрозрачныхъ лепесткахъ.

IV

«Не провожай меня»—сказала ты.
«Не провожай меня, мой дорогой»!
Полуувядшіе взяла цвѣты,
Меня оставила вдвоемъ съ тоской.

Любовь весенняя—короткій сонъ.
Цвѣтокъ жасминовый, цвѣтущій часъ...—
Огонь желанія пылалъ, зажженъ,
Потомъ, чуть теплился; теперь—погасъ.

Придетъ ли нѣжная ко мнѣ опять?
Иль буду въ сумеркахъ грустить съ Ватто?
О, кто отвѣтитъ мнѣ, кто можетъ знать?
Душа? Предчувствія? Никто!.. Никто ..—

Кто душу женщины испилъ до дна?
Кто знаетъ, что она готовитъ вамъ?
Поютъ надежды мнѣ: «спять она
Придетъ къ жасминовымъ твоимъ цвѣтамъ»

V

Она одѣлась не спѣша...
Былъ поцѣлуй ея усталъ
И безъ нея моя душа
Пуста какъ выпитый бокалъ.

Стучитъ вдали ея каблукъ,
Лаская уличный асфальтъ.
О боли тягостныхъ разлукъ
Поетъ съ шарманкой дѣтскій альтъ.

Что знаетъ о любви дитя
Чей голосъ полонъ горькихъ слезъ?!—
Шарманка старая, свистя,
Не отвѣчаетъ на вопросъ.

Вечерній городъ газъ зажегъ,—
Колеблетъ вѣтеръ огоньки...
Ея упругихъ, стройныхъ ногъ
Умолкли легкіе шаги.

VI

Я укрылъ горящій лобъ въ жасминахъ.
Холодятъ снѣжинки—лепестки.—
Шаловливо цѣлятся съ камина
Два амура рѣзвы и легки.

Не трудитесь, милые ребятки!
Глубоко засѣла въ грудь стрѣла...—
На столѣ—забытыя перчатки,
За окошкомъ—тлѣющая мгла.

Не усну я этой ночью, знаю.—
Будетъ говоръ лунной скрипки тихъ.
Разскажу внимательному маю
О скорбяхъ и радостяхъ своихъ

Подѣлюсь печалью о разлукѣ...
Брызну въ сердце морфіемъ мечты,
Онѣмѣютъ незамѣтно муки.
Помогите бѣлые цвѣты!

VII

Быстро ночь наступаетъ,
Я въ покоѣ одинъ...
На столѣ увядаетъ
Ароматный жасминъ.

Были прошлаго счастья
Въ сердцѣ зябнущемъ мрутъ.
«Миги кончены страсти»—
Грустно думы поютъ.

Миговъ сказочныхъ пѣсня
Отошла... умерла...
Заплелася чудесно
Бирюзовая мгла

Лепестки опадаютъ
И цвѣтовъ... и души...
Тихо ночь наступаетъ...
Подожди! Не спѣши!..

ВЪ РАЗЛУКѢ.

Небо-кубокъ который опрокинутъ.
Голубое вино льется плавно...
Я покинутъ.

Недавно, тучка--женщина въ бѣломъ манто
Спѣшила по шоссе неба въ автомобилѣ...
А вы то
Меня забыли?!.

А можетъ быть и вы у себя дома,
Торопливо обливая духами корсетъ,
Спѣшите къ другому...
—Нѣтъ?!...

Кубокъ неба пустъ!.. пустъ...
Простудились паровозы...
Сколько грусти!?
Забыты даже эстетныя позы...

ПАУЗА.

Облака—
Пеньюары безъ тѣлъ.
И тоска
Злѣе стрѣлъ.

„Сыщемъ тѣло"!.
И шелкъ раздувая жемчужный
Бѣгутъ облака.

Но тоска онѣмѣла...
Какъ камень недужный —
Тоска.—

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Усталости прошли. Я заострилъ моменты...
Я вынулъ изъ души душистое саше.
И ваши ленты
Не въ душѣ!.

Вы помните...
Часъ сложный и огромный..
Въ атласной комнатѣ
Дуэтъ...
И вашъ нескромный
Туалетъ
Вы помните?...

Вашъ пенюаръ бебэ
Изъ кружевъ...
Онъ былъ какъ пѣна на пескѣ...
Въ борьбѣ
Моя мечта все становилась уже...
А кружева шумѣли глуше,
Какъ въ стужу
Оцѣпѣненія мелодіи въ рѣкѣ...

Вы помните
Въ атласной комнатѣ?...
Гдѣ тихій шорохъ страсти тихо росъ,
Какъ ароматъ напудренныхъ волосъ,
Какъ грезъ
Прибой...
Какъ смѣхъ искристыхъ росъ,
Брильянтный Мумъ кропящихъ надъ травой,
Все росъ и росъ распространяясь...

Въ атласной комнатѣ,
Не обнажаясь,
Вы были мигъ моею
Виконтеса
Прохладой лѣса
Освѣжая...

И уходя отъ васъ розетку лентъ
Я взялъ
На память о моментѣ
Въ атласной комнатѣ..
Вы помните?...
. . . . . .
Теперь я выбросилъ изъ сердца эти ленты! —

ОПЯТЬ.

Звѣзды—алмазныя пряжки женскихъ, мучительныхъ
туфель
Дразнятъ меня и стучатся въ келью моей тишины...
Вижу: монашка нагая жадно прижалася къ пуфу
Ярко зеленой кушетки... Очи ея зажжены.

Скинуто черное платье. Брошено на полъ, какъ свя-
тость...
Пламя лампадки игриво, какъ у румына смычекъ...
Ахъ, у стеблинныхъ монахинь страсть необычно
горбата!..
Ахъ, у безстрастныхъ монахинь въ красныхъ уку-
сахъ плечо!..

Но подхожу къ кельеспальнѣ... Даже березки въ
истомѣ!
Прядями косъ изумрудныхъ кожу щекочутъ ствола...
Даже березка—Печалка молится блуду святому,
Даже березкины грезы объ изступленіяхъ зла!..

Ближе... Къ дрожащему тѣлу прискорпіонились
четки...
Два каблука, остродлинныхъ бьются поклонами въ
полъ.
«А... каблуки?!.. Куртизанка?!—Нѣтъ! не отдамся
кокоткѣ...
И убѣгаю... А въ сердцѣ: «О, почему не вошелъ»?

КЕРМЕСЪ.

Страсть волчья...
Хочу тебя молча...
Душа твоя мнѣ безразлична.—
Но тѣло,
Умѣло
Вскипѣло,
Какъ пѣна
Фантазій Шопена.

Въ крови моей: Рубенсъ
И грубость,—
Бѣгутъ амазонки
Въ ней, звонко...
И громы огромныхъ трубъ Баха...
. . . . . .
— Твоя заалѣетъ рубаха.—

ВСЕ ВЪ ТУФЛѢ.

Исключительнымъ ножкамъ
М-те Колибри.

Вы на углу меня благодарили
За то, что я наполнилъ вашъ моментъ...
Потомъ, вы въ сумерки упяыли
Но у меня розетка вашихъ лентъ...

Я ленты снялъ съ пикантныхъ вашихъ ножекъ,
Вы не замѣтили, когда...
Ахъ, ваша туфелька тревожитъ
Меня, какъ кролика удавъ!

Она цвѣтокъ изъ хрупкаго фарфора...
Предъ нею—страхъ.
Вотъ упадетъ!.. разсыпется съ укоромъ..
Я вѣчность бы лежалъ у васъ въ ногахъ!

Ахъ, чай изъ туфли вашей въ будуарѣ,
Гдѣ вкусно дремлетъ голубой атласъ..
Гдѣ на десу, чей шорохъ громче арій,
Свою судьбу проставилъ я до тла..

Я нищій принцъ,—души версальной брыжжи
Оставившій въ рукахъ судьбы легко,—
Иду отъ васъ утонченной и рыжей,
И въ сердцѣ—стукъ французскихъ каблуковъ...

VENENUM AMOROSUM.

1. SOUVENIR DE VOLUPTÉ.

Бѣлая туфля, хранящая хрипы агоній...
Густо покрытая ржавыми пятнами крови.—
Стоны
Въ альковѣ...
Запахъ бегоній...
Мукой поднятыя брови.
Знаки распятій...
Терпкіе звоны
Въ туфлѣ атласной, изъѣденной ржавчиной крови—
Хрипло сливаются въ шорохъ порочныхъ симфоній.

2. VIGILIA.

Въ узкой вазѣ изъ серебра
Желтый нарцисъ...
Рядомъ—туфля
Съ каблукомъ, какъ стилетъ.—
Высь
Въ которую бросилъ тоску поэтъ.
Сумерки потухаютъ...
Потухли.—
Съ туфлей
До утра...

3. УТОНЧЕННАЯ МЕСТЬ.

Я снялъ съ алтаря вашу туфлю атласную
Одну изъ тѣхъ... Помните?!.. Чей каблукъ тоньше
змѣиныхъ жалъ.
И ее ароматную, когда то бурную, теперь—без-
страстную—
По привычкѣ къ груди прижалъ...

Потомъ, вынулъ шприцъ... Опустилъ шторы...
Позвалъ уродливаго бульдога бѣлаго какъ вашъ животъ.
Швырнулъ ему туфлю... На!.. И пляшущимъ взоромъ
Слѣжу какъ онъ шелкъ душистый рветъ.

Это ваше сердце разрывается въ клочья!..
Ваше сердце—всеядное, какъ Ропсъ самъ!..
Ночью—
Брошенное псамъ...

4. КРИКЪ.

Чувствую, начинаю ржавѣть...
Гладкая сталь души покрывается бугорками,
Маленькими, непріятными, какъ закипѣвшая мѣдь...
— Ахъ, почему Вы не удавили меня корсетными шнурками?!—

Моя душа была прожекторомъ маяка на горѣ, въ лѣсу...
А теперь она—клише изданія de Luxe, использованное даже въ провинціальной газетѣ...
И изъ всего бывшаго—я помню только ваши смарагдовыя десу
И шнурки—алыми удавами скользившіе по черному корсету...

СЕРДЦЕ МОЛИТСЯ...

Ихъ было двѣ сотни, а можетъ быть три..,
Любившихъ
И бывшихъ...
Дразнившихъ.
Забывшихъ.
Забытыхъ,
Зарытыхъ,
Комичныхъ, какъ бри,
Свою остроту на огнѣ изсушившій!..

Ихъ было такъ много, что сердце—не ихъ!...
Что сердце,
Какъ дверца,
Изъ храма на паперть.
Въ немъ—тихіе звоны упавшихъ веригъ.
Душистыхъ кокотокъ дотаяли лапы...
И въ сердцѣ разгула гулъ гулкій утихъ.

РУПІИ ХРУПИ.

ВЕЧЕРНІЙ ДОЖДЬ.

Дождь шумитъ, какъ шелка, торопливо спѣшащей
въ альковъ,
Нѣжной дѣвушки, ждущей отъ страсти молитвы и
кружевъ...
Капли бьются въ асфальтъ, словно звенья упавшихъ
оковъ,
Тише... Глуше...

Эта дѣвушка въ сѣрый закуталась мѣхъ,
Вся нагая... нагая, какъ грезы...
Дождь, какъ нянька, колышетъ ея не разбившійся
смѣхъ
Но текутъ уже слезы...

АКАФИСТЪ.

Николаю Гуттину.

Подвѣски въ вашихъ ушахъ напоминаютъ лампады,
Вѣчно горящія надъ иконой лица...
Въ шелкахъ вашихъ дремлютъ душистые, тонкіе яды
Тонкіе, какъ линія вашего плеча...

Ваша юбка на бедрахъ—покровъ упавшій на чашу
Съ причастіемъ мукъ...
И еще мнѣ нравится маленькая туфля ваша
И длинный, какъ траурная, свѣча каблукъ...

Ваше тѣло—Евангеліе, положенное на аналой..
Аналой вашихъ ногъ.
Какой вы будете въ страсти?. Злой?
Или нѣжной какъ вздохъ?..

НЕМНОГО ВАСЪ.

Ваши плечи, какъ чашка изъ севра...
Грубой страстью ихъ можно разбить.
Но въ чашкѣ вино огневое,
Пора васъ пить!

Вино ваше—сокъ жасминовый,
Освященный больной луной,
Что стоитъ надо мной
Какъ монахъ съ мандолиною...

Ваше тѣло—фривольность и гимнъ,
Какъ монахъ и вино...
Капризная линія вашей ноги—
Гипнозъ.

Ваши туфли атласныя—грифъ
Каблучки ихъ—колышки скрипки...
Вы вся—эротическій мифъ
Разсказанный съ дѣтской улыбкой!.

ЖДУЩАЯ.

Вы шли по улицѣ шагами тихими.
И юбки шелкъ молился вашей мукѣ—
Миніатюрной какъ и связка съ книгами
Которую сжимали ваши руки.

О, ваши руки тонкія, змѣиныя...
Онѣ—наркозъ, съ изящными ногтями!.
Вы мнѣ казались нимфой кокаинною,
Молящейся шелками и духами.

А ваша мука для меня раздѣта вѣды!
Она въ короткой тонкой шемизеткѣ...
Я знаю, вамъ съ бумажными поэтами
Наскучило мечтать о страсти, дѣтка!.

Вамъ хочется уйти отъ грезъ въ реальное...
Вамъ надоѣло вѣчно натюръ-мортить
И ваша кровь, пока еще пасхальная,
Трубитъ мятежъ въ сапфировой аортѣ...

Но ваше тѣло въ шелковомъ футлярѣ,
Какъ скрипка, ждущая смычка,
И потому на тротуарѣ—
Стонъ каблука...

НЮАНСЪ.

Вѣдь ты придешь ко мнѣ?. Должна придти!—
Придешь, изящная. Придешь для сказки...
Я приготовлю Вертижъ Коти
И имъ обрызгаю твои подвязки.

Ты снимешь платье .. Зачѣмъ оно?!
И будешь тонкая, лишь въ шемизеткѣ
Изъ рюмки тоненькой тянуть вино
Гашиша дремнаго жуя таблетки...

Тебя омою дождемъ поэмъ!
Потомъ, закутаю въ поэмотогу
И, вдругъ, отъ счастья я стану нѣмъ
И поцѣлую твои я ноги...

И все. Не больше...--Финалы—ложь!.
Нюансы ярче кричащей краски...
Вѣдь ты придешь ко мнѣ?. Вѣдь, да, придешь
Для удивительно изящной сказки!.

НОКТЮРНАЛІЯ.

Петру Лукомскому. Нерушимой романтикѣ его ветхозавѣтной души.

Капъ—капъ... капъ—капъ... стучатъ дождя капели.
Семь... восемь... девять... А ее все нѣтъ!
—Свѣтъ лампы портитъ нѣжность акварели...
Рѣшаю, вдругъ, зачѣмъ то... Тихъ паркетъ.

Скребется дождь въ мозгу, какъ будто мыши
Мильономъ тонкихъ, звонкихъ, ломкихъ лапъ.
И по стеклу... душѣ... надеждамъ... крышѣ—
Стучитъ напѣвъ дождя: капъ—капъ... капъ—капъ...

ДѢВУШКѢ СЪ БАЙКАЛА.

Не надо никакой Небраски!
Не надо никакихъ Невадъ!.
Въ твоихъ глазахъ Байкала сказки
Зеленымъ пламенемъ горятъ.

Ты вся—свѣжѣе чѣмъ покосы,
Ты вся—пасхальный перезвонъ.
Въ твои сверкающія косы
Всю бронзу ссыпалъ желтый кленъ.

Твоя походка—скачка лани,
Она—сестричка вѣтерка...
Не разбудившая желаній,
Ты надъ душой, какъ облака!

1920. Августъ.

ТРІЕДИНАЯ НОЧЬ.

Закрывшимся навсегда газельимъ глазамъ Габи Дели, съ которой вмѣстѣ слѣдилъ падающія звѣзды въ лагунѣ Тихаго океана, семь лѣтъ тому назадъ.

I.

Я въ ложѣ... У рампы—апашка.
На стройной апашкѣ рубашка...
Глаза и лицо—королевы...
Madame Габи Дели, гдѣ вы?...

Габи Дели, какъ вѣтеръ, какъ лозы,
Какъ всѣ въ мірѣ бѣгущія козы...
Габи Дели, вы всѣхъ покорили.
Ваше тѣло изъ ртути и лилій...

Рубашка вздувается,
Подымается...
Какія ноги! Конца нѣтъ!...
Тѣло упружится,
Кружится,
Какъ омутъ,
Который
Манитъ...

II.

Я у нея въ отелѣ
Сижу и ей говорю:
„Въ вашемъ тѣлѣ звенятъ свирѣли...
Въ вашемъ тѣлѣ оттѣнка „экрю“...

Въ вашемъ тѣлѣ—огонь амазонки,
Проскакавшей полсотни миль"...
А она, нѣжнѣе ребенка,
Мнѣ бросаетъ: „возьми... возьми"...

Отъ заката весь западъ палевъ
И какъ пѣна десу—облака...
Шемизетка съ нея упала,
Чтобы тѣлу сверкать вѣка...

III.

Мы въ лодкѣ.--Молчанье лагуны
Не будятъ свисткомъ катера...
Мы оба безсловны, какъ струны
Которымъ звучать не пора...
Мы юны!. мы юны!. мы юны!.
Сегодня... сейчасъ... и вчера.

Надъ нами—небесная месса
Подъ моря чуть слышный органъ...
Я знаю, что вы—сатиресса,
А я—притаившійся Панъ.
Но мы не желаемъ кермесса...
(Какъ тонко пьянитъ франжипанъ!).

Мой звѣздный экстазъ, Габи Дели!
Смотрите, упала звѣзда...
Спасти облака не успѣли
Ее проглотила вода...
А вы, что какъ весь Боттичелли,
Ужели уйдете когда?!

Улыбка вспорхнула и скрылась.
„Красиво, не страшно сгорѣть"...
И губы къ губамъ наклонились
Чтобъ вмѣстѣ зарею алѣть.
И долго мы звѣзды слѣдили
Рѣшая упасть, но не тлѣть!

1920. Августъ.

Великолѣпный конецъ.

Леониду Астахову.

Слышно, какъ били въ двери.
Всѣ убѣжали давно...
„Я не боюсь васъ, звѣри...“ —
Сказала... „мнѣ все равно...“

Прошла по паркету въ залу,
Открыла бѣлый рояль...
Траурный маршъ заиграла,
Разбудивъ подвѣсокъ хрусталь...

Гудѣла старая бронза
И шелкъ портьеръ шуршалъ...
А старый, китайскій бонза
Головою, смѣшно, кивалъ...

И было все, какъ было:
Портьеры... Цвѣты... Фарфоръ...
Только гдѣ-то съ звѣриной силой
Визжалъ и кусался топоръ.

Да сиреневыя шторы
Пропускали пожара свѣтъ...—
Но пастушка маркизу изъ фарфора
Какъ и раньше, шептала: „нѣтъ“!

Одинокая княжна вздохнула,
Пересѣвъ на парчевый диванъ
И, въ подушки уйдя, развернула
Недочитанный ею романъ...

Дверь шатнулась... Княжна, спокойно
Въ голубой прошла будуаръ...
На фигурѣ царственно-стройной
Шелестѣлъ печальный муаръ...

Присѣвъ не спѣша къ секретэру
Взяла Le Vertige — Coty
Всыпала порошокъ и съ вѣрой
Шепнула: „Mon Dieu, — прости!"

И выпивъ все изъ флакона,
Упала глаза раскрывъ,—
Напрасно толпа озлобленно
Кричала, ее окруживъ..

Она не слышала криковъ
Не видѣла потныхъ лицъ,—
И жизнь проживъ великой
Скончалась смертью царицъ.

Лимузинъ—саркофагъ.

Ты была у Поля въ Красоты Салонѣ...
Ароматной Фриной сѣла въ лимузинъ,—
Въ вазочкѣ кареты цвѣлъ пучекъ бегоній...
Знала: въ будуарѣ мучится грузинъ.

Въ улицѣ плакатной пѣли и стрѣляли.
Въ трубочку шоффферу крикнула: „скорѣй!“
Пули и опасность славно окрыляли...
Грезу подтолкнула, шаловливо: „рѣй!“

Лимузинъ качнулся, сиротливо млѣя,
И, смертельно вздрогнувъ, вкопанно застылъ.
Дверца пріоткрылась и усачъ, наглѣя,
Выйти изъ кареты грубо попросилъ.

Ты не растерялась и съ лицомъ маркизы
Вѣжливо спросила: „А зачѣмъ я вамъ?...“
Вспомнила Ламбаль ты и отчизну Гиза,
Грустно прикоснувшись къ платья кружевамъ...

Затрещали залпы словно кастаньеты,
Кто то въ отдаленьи нажималъ курокъ...
И вблизи бегоній, въ шелковой каретѣ
Въ океанѣ черни ты нашла свой рокъ.

Маленькая пулька, пчелкою порхая,
Стѣнку продырявя, юркнула въ корсажъ.
А на оттоманкѣ, бѣшенно вздыхая,
Грезилъ о блаженствѣ изступленный пажъ.

Ты не раздѣляла трепета истомы...
Около метались бороды бродягъ,—
Щелкая и затворы... отдавало ромомъ...
И авто качался, словно саркофагъ.

Вечеръ истеричный нагибался къ шторамъ;
Ароматъ бегоній, старчески, вдыхалъ,—
И въ твоихъ изящныхъ, омертвѣлыхъ взорахъ
Отъ людскихъ безумій, мигно отдыхалъ.

Воздушная смерть.

Раздавленной нѣжности Лидіи Аладовской, которой на этомъ свѣтѣ больше не встрѣчу.

Дѣвушка качалась на качеляхъ.
Дѣвушка взлетала въ небеса...
И столбы качельные звенѣли,
Вмѣстѣ съ ней, повѣривъ въ чудеса.

Вверхъ—внизъ.
Сторонись!..
Столбъ шатается...
«—Вы,—внизу...—
Я несусь!...»
Дѣвушка кричитъ и улыбается.

Синею птицей
Стремиться, стремиться...
Летѣть!.. улыбаться!.. пѣть!..—
Какъ волна возникнуть,
Какъ валъ разбиться—
И долго—долго звенѣть...—

Море недовольное бормочетъ:
«Я—лежу, а дѣвушка летитъ»...
Море въ небо взвиться птицей хочетъ,
А качельный столбъ скрипитъ, скрипитъ...

Столбу пришла пора дотлѣть
И дѣвушкѣ уже не пѣть.—
И дѣвушкѣ летѣть, летѣть
Къ землѣ—
Чтобъ тлѣть.

Столбъ качнулся, падая неловко,
И веревка, спутавшись въ силки,—
Захватила съ ласковой уловкой
Дѣвушкины острокаблуки.

И когда она къ землѣ летѣла,
Зачерпнувши неба голубой,—
Въ лифтъ очей ея вскочить успѣла
Вся лазурь со всею синевой...

И потомъ, прижавъ лицомъ песчинки
И раскрасивъ кровью голыши,—
Чуть дышала... и ея ботинки
Вздрагивали точно камыши.

1920. Августъ.

Неожиданная инфанта.

Вы для меня не кокотка.. Не протестуйте! Не лгу я.
Я—отъ души!. Въ вашихъ взорахъ—робость пугливыхъ инфантъ.
Ахъ, да поймите жъ! не важно то, что я видѣлъ нагую
Васъ въ свѣтѣ рампы.—Какъ рыцарь, туфли цѣлую я бантъ.

Въ вашемъ разгулѣ—молитва... Ваши улыбки протяжны...
Такъ же, навѣрно, протяжно—ладанны ваши мечты.
Ваши уста, по другому, чѣмъ у подругъ вашихъ влажны..!
Ваши уста—предъ иконой въ дымкѣ куреній цвѣты!

Скрыли вы душу подъ маской дерзко-циничной бравады
Но подъ корсетомъ изъ стали хрупкій таится фарфоръ.
Серна инфанта шантана, мнѣ вашей позы не надо!
Я вѣдь—поэтъ, и шагаю черезъ, для прочихъ. заборъ,

Вотъ я въ душѣ вашей.. Боже, сколько въ ней нѣжныхъ литаній!.
Дѣтскихъ, не выросшихъ, робкихъ, не распустившихся сновъ...
Ахъ, вѣдь никто не повѣритъ тихой часовнѣ въ шантанѣ...
Тихому храму межъ пьяныхъ, шумомъ залитыхъ, столовъ.

Серна инфанта шантана, съ вами всегда вашъ
палаццо,
Только войти въ него трудно... только закрытъ
онъ для всѣхъ.
Ахъ, пропустите въ палаццо въ траурномъ фракѣ
паяца
Съ бѣлой сиренью въ петлицѣ—символомъ умер-
шихъ нѣгъ!

Тѣло?! мнѣ тѣла не надо... Вотъ вамъ мое—
обладайте!
Нѣтъ!. Я хочу необычныхъ, религіозныхъ химеръ...
Вамъ я инфанта откроюсь... знайте, инфанта же
знайте:
Церковь хочу я воздвигнуть вамъ въ лупанарѣ
гетеръ!—

Панельная колыбельная.

Виктору Пальмову.

Эй, ты
Панельная!...

Тебѣ свирѣльные,
Тебѣ апрѣльные,
Цвѣты.—
И колыбельныя
Мохнато-ельныя
Мечты.

Тебѣ отравленной—
Грѣха весталкѣ,
Грезофіалки
И грезосердце—

Открыта дверца
Моей души.

Спѣши!..

Мы будемъ двое въ немъ
Моемъ израненномъ,
Изъубиганеномъ—
Моемъ больномъ...
Моемъ, отравленномъ
Твоимъ грѣхомъ...

Сдвоимся въ сердцѣ, какъ міръ смѣшномъ.
Пусть станетъ сердце мое удвоеннымъ!

Тебѣ одной—
Панельной жрицѣ,
Открытъ дворецъ
Мой—
Молись со мной
Вѣдь я—пѣвецъ
Блудницы...

Сними съ души
Муаръ грѣха.
Въ своей тиши
Встрѣть жениха.

А—а!. тебѣ жутко
Снять рубаху
Съ рваннаго сердца!?
Странны страхи
У проститутки...
Открылъ—я—дверцу!.—

Сколько разъ въ ночь
Ты рубашку срываешь
Предъ всякимъ
Для брака..
Считаешь?!..

.. Тѣло—всѣмъ...
Душа—себѣ,
Запрятанная на донышко..“

—Святая!.
Много поэмъ
Въ твой храмъ
Тебѣ
Дамъ
Мадонушка!..

1919 Іюль.

РОДНОЕ ДАЛЕКОЕ.

И. Г. Ведерникову. Богъ дастъ снова будемъ дома!..

Громче сердце стучи своей алостью
Не забыть ни Днѣпра мнѣ, ни Камы!..
И въ душѣ моей родины малости,
Точно чаша съ святыми дарами.

На пригоркѣ червонится звонница.
Крылья ласточекъ—небу заплатки...
Мнѣ родное далекое помнится
Разгадалъ я унынiй загадку:

Не забыть намъ родного далекаго,
На землѣ существуемъ пока мы.
Мнѣ Днѣпра, какъ Россiя широкаго,
Вамъ прохладной, какъ дѣвушка, Камы.—

ОСЕННИКЪ.

Николаю Асѣеву, мья лирика—
ладанная заря.

Летаютъ паутинки—
Небесныя сѣдинки...
Всѣ дали извопросены:
. . . . . .
„Лекарства нѣтъ отъ осени"!..

Въ душѣ: сѣдая скука.
У васъ—свѣчинки руки...
Онѣ прозрачно таютъ.
Вы, вся—святая!

На головѣ—корона
Изъ звѣздныхъ листьевъ клена.
И сыплютъ на васъ выси
Сосновыхъ иголъ бисеръ.

И медленно идемъ мы
Вдоль стѣнъ лѣсного дома.
А осень, выйдя въ сѣни,
Скликаетъ на осенникъ.

О СОТОЙ ВЕСНѢ...

Сергѣю Третьякову, умѣющему предчувствовать.

Будетъ еще сто весенъ,
Но не умретъ звонъ сосенъ.—
Тѣ же приснятся сны
Дѣвушкамъ Сотой Весны!..

Въ стѣнахъ, что будутъ иныя.
Не станутъ нагѣй нагіе...
Не будетъ трехъ маевъ въ веснѣ
И кровь не вспыхнетъ краснѣй...

Но сердце нѣмого міра
Звякнетъ стострунной лирой,
Черезъ весенъ сто,
Такъ, какъ не слышалъ никто!

Ради, вотъ этого звяка
Можно живымъ поплакать.
Это—дорога въ сны
Дѣвушекъ Сотой Весны.

ЛАГУНЫ ЮНИ.

ВЕРЕСКНОЙ ДѢВУШКѢ.

Мойчи Ямагучи, какъ воспоминаніе о задушевныхъ бесѣдахъ подъ шелестъ бамбуковъ у его дома.

Вы вся, какъ поэза Альфреда Мюссэ,—
Душевно—прозрачная, зябнуще—астровая...
Съ мечтательнымъ бантикомъ въ русой косѣ,
Червонноволосая, звонко-піастровая...

Быть въ комнатѣ вашей—фантазы читать
Тиль—Тильно—Митильныя, полныя граціи. .
Склоняться къ Вамъ близко—экстазно вдыхать,
Сурдинно—щекочущій запахъ акацій...

Глядѣть въ Ваши очи—купаться въ винѣ...
Онѣ вѣдь не Ваши, вакхически лавныя!—
Вы вся изъ батиста, какъ греза Манэ...
И только глаза Ваши—пики агавныя,—

Они—двѣ агатовыхъ, черныхъ стрѣлы,
Готовыя взвиться съ мучительнымъ пѣніемъ.
Они обжигаютъ, какъ капли смолы
Стекая мнѣ въ душу въ кричащемъ кипѣніи...

Они, какъ румяна на щекахъ Мадоннъ!—
Они—барабаны, въ интимной литаніи...
Я ими замученъ!... разбитъ!... оглушенъ.—
Но, сблизьте рѣсницы, и вы—обаяніе...

Живутъ въ Васъ, причудно, Уайльдъ и Мюссэ
Провинціи лирикъ съ эстетикомъ ересь въ комъ,—
Ахъ, сложныя прелести въ русой косѣ
Мечтательной дѣвушки, пахнущей вереском!—

МОЛОДОЙ ГЕНІАЛКѢ.

Такихъ, какъ я, у Васъ будетъ больше, чѣмъ сказокъ у Шехерезады,
Такихъ, какъ я!—
Но, грусть тая,
Я букетно подношу Вамъ свои баллады...

Въ самомъ дѣлѣ!? Что такое поэтъ въ сѣромъ костюмѣ?—
Смѣшная претензія!.—
Вы—гортензія—
Фаворитка фраковъ.. (Какой угловатый юморъ!?)

Вы—будуарная папуаска, взирающая на жизнь улыбчато...
Міръ—Вашъ.—
А я—пажъ
Грустно строющій замокъ изъ песка невѣрный.. разсыпчатый...

Пусть невѣрный!. Строю, кусая губы, когда Ваши руки цѣлуетъ другой.
Мнѣ—больно!...
И невольно
Радугу грезъ, опять, распускаю, павлиньево, надъ Вашей головой.—

БЛИКЪ.

Мнѣ нравятся ваши узкія руки
И гіацинтные волосы...
Меня радуетъ мука,
Скрытая въ вашемъ смѣющемся голосѣ...

Мнѣ близка ваша внимательность къ мелочамъ.
(Какъ—я!—)
И я люблю повторять слова, подобныя мечамъ:
„Не моя...“

ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

Вышла на берегъ... Руки—какъ крылья,
И вода по нимъ медлитъ стекать...
СОВЕРШЕННАЯ.. вѣки прикрылъ я...
Къ тѣлу—солнцу не мигъ привыкать!.

Вѣтеръ волосы влажные скомкалъ
Въ золотисто-змѣиный клубокъ...
Я лежу и слѣжу незнакомку,
И цѣжу ея взоръ голубой,

Первый разъ поклоняюся тѣлу!
Первый разъ я забылъ слово ВЗЯТЬ.—
Ослѣпленный богиней бѣлой,
Цѣжу голубые глаза.

СИРЕНЬ ТРІОЛЬНАЯ.

I.

Вы двадцать весенъ не цвѣли...
Вы двадцать весенъ не любили,—
Вы двадцать весенъ въ мертвой виллѣ
Надежды кружево плели.—
Васъ весны пламенныя жгли,
Желая чтобы вы любили...
Но вы восторгомъ не цвѣли
И двадцать весенъ мертвой были...

II.

Теперь вамъ двадцать.. Въ жизнь! смѣлѣе!
Смѣлѣе въ ласки!... въ счастье!. въ страсть!—
Пора покоя скинуть власть,
Мечтавшій долго, любитъ злѣе...
Спѣшите насладиться всласть.
Къ цвѣтамъ идите по аллеѣ...
Пора покоя скинуть власть,
Теперь Вамъ двадцать... Въ жизнь!... Смѣлѣе!

III.

„Вы—первый“ ты—сказала мнѣ
И, задрожавъ, поцѣловала...
Луна сочувственно кивала
И мнѣ казалось я во снѣ.—
„Вы—первый..“ ты сказала мнѣ
И, словно музыка звучала,
Когда меня поцѣловала
И „первый“ ты сказала мнѣ...

IV.

Цвѣты, что долго не цвѣли
Цвѣтутъ божественно красиво.—
Они дробиться не могли
И счастья ждали терпѣливо...
Но мигъ насталъ и, горделиво,
Они бутоны развели...
Цвѣтутъ божественно красиво
Цвѣты, что долго не цвѣли.

V.

Пять лепестковъ сирень имѣетъ.
Цвѣтокъ любви всегда одинъ.—
Вашъ поцѣлуй—абрикотинъ...
Онъ сладокъ... сердце сладко млѣетъ...
Пять тріолетовъ, какъ одинъ,
Моя любовь дарить вамъ смѣетъ...
Цвѣтокъ любви всегда одинъ,
Хоть много лепестковъ имѣетъ.—

ВЪ ФОЙЕ.

Полюбивъ, въ Декабрѣ я загроздилъ сирени...
Полюбивъ,—я изъ звѣздъ отчеканилъ колье...—
Сядемъ здѣсь на диванъ... Ходятъ люди, какъ тѣни,
Что намъ тѣни людей и гримасы фойе?!

Вѣдь никто изъ толпы не пойметъ нашу близость!
Вѣдь мѣщанамъ далекъ пасторальный экстазъ.—
Имъ знакома любовь, какъ животная низость...
Ахъ, забудемъ мѣщанъ въ нашъ сиреневый часъ!

Твои взоры нѣжнѣй ассонансовъ Верлена...
Твои плечи дрожатъ, какъ березокъ листва...
Улетѣвъ далеко изъ мѣщанскаго плѣна,
Мы людскія черты замѣчаемъ, едва...

Есть моменты въ любви, когда люди—помѣха!.
Есть минуты въ любви, когда люди—ничто!.
Наши души—сады ароматнаго смѣха
И вульгарный диванъ—королевскій „шато"...

Тривіальный диванъ, словно замокъ въ сирени,
Гдѣ цвѣты и любовь только въ насъ и для насъ..—
Не дадимъ никому бѣлокурыхъ мгновеній!.
Никого не введемъ въ нашъ сиреневый часъ!.

ПРИЗНАНІЕ.

Я украшу Вашу шею тріолетовымъ горжетъ,
И къ корсажу мѣховому пристегну букетикъ грезъ,
Я—счастливый, сумасшедшій, расшалившійся поэтъ
Приготовившій манто Вамъ изъ шелковъ кашмирскихъ розъ.

„Какъ морозно..“—Вы сказали, помню, какъ то въ променадъ.
И улыбка, устъ сказавшихъ, зябко инейной была..—
Не грустите!. На сугробахъ я взрощу весенній садъ..
Вѣдь душа моя, какъ ландышъ, въ зимостужу расцвѣла!

Это Вы ее согрѣли искрометьемъ Вашихъ глазъ.
Ихъ лучи всѣ льдины сердца растопили въ ручейки..
И въ награду, я, за это, погружаю Васъ въ Экстазъ,
Въ волны огненной... душистой... и ласкающей рѣки...

Что зима?!... Зимою сердце тоже кружитъ котильонъ—,
Правда, медленный, но нѣжный, какъ влюбленнаго намекъ,
Изъ ажурныхъ тріолетовъ я воздвигну павильонъ
И отдамъ его въ подарокъ Вамъ, Черемуховый Сокъ!..—

Ваша кожа пахнетъ сладко, какъ черемухи цвѣты,
И поэтому зову Васъ я Черемуховой Миссъ—..
Вы галантнаго Версаля воплощенныя мечты,
Силуэтъ Вашъ обѣщаю я вчертить въ напѣво-
фризъ.

Прихотливыя мечтанья вытку тонко въ кружева
И въ шантилевомъ лиризмѣ Васъ, лаская, утоплю...
Впрочемъ, кончу прятать чувство за капризныя
слова,
И скажу банально—просто: „Я люблю тебя!.. люблю!“

КРЕЩЕНСКІЙ МАЙ.

На панеляхъ бѣлыхъ солнце гарцевало,
Бронзируя лица, вышедшихъ гулять.—
Въ окна проникало, спящихъ цѣловало...
Затопило свѣтомъ всю мою кровать.

Я не могъ остаться къ солнцу равнодушнымъ—
Утренняя дрема вздыбилась въ кэкъ-вокъ.
Сталъ я умиленнымъ пажикомъ послушнымъ
Солнечные шлейфы поднявшимъ у ногъ...

Солнце королевой въ улицахъ ходило...
Солнце усадило грезы на качель,—
Палочкой топазной по снѣгу водило...
Солнце рисовало майскую пастель.—

Проносилась лошадь подъ зеленой сѣткой—
Солнце успѣвало гриву позлатить...
Дружески кивало худенькой кокеткѣ,
Вышедшей въ жакеткѣ, сольно, побродить.

Маленькій мальчонка, сѣвшій на салазки,
Щедро облицованъ солнечной фольгой...
Этотъ день весенній подъ январьской маской...
Этотъ день, какъ счастье, радостно нагой...

Эти золотые, рѣзвые матчиши...
Эти серенады на сосулькахъ льда..—
Словно я во власти магика—гашиша,
Словно я не видѣлъ солнца никогда...

Такъ и подмываетъ по сугробамъ мчаться...
Встрѣчныхъ незнакомокъ въ губы цѣловать,
Солнцу отдаваться, солнечно смѣяться,
Солнечные миги, солнечно, ковать...

Солнце гарцевало на панеляхъ бѣлыхъ.—
Солнце призывало: «радости поймай»!..
На подмосткахъ улицъ, сплошь заиндевѣлыхъ,
Солнце разыграло, на Крещенье, Май.

СОЛНЦЕНАБАТЪ.

Солнце—не бѣлое... Солнце—червонное!—
Солнце—не зимнее.. Солнце весеннее...
Солнышко бухаетъ ландышезвонное,
Громко вѣнчая желанье съ волненіемъ.—

Снѣгъ разрыхляется въ хрупкое кружево...
Кружево льдистое, плача, ломается.—
Дѣвушки томныя, грезьте о мужѣ вы!..
Снѣгъ валансьенится, снѣгъ разрыхляется...

Крыши увѣнчаны, сплошь, діадемами.—
Трубы покрыты алмазо—тіарами...
Дѣвы, для юношей будьте Эдемами!.
Близится время безумія парами.—

Сердце онѣжилось... сердце интимнѣе...
Сердце исполнено тонкой буколики.—
Грезы изгрызли всѣ хмурости зимнія
И кувыркаются, рѣзво, какъ кролики.

Солнце шампанское всѣхъ оянтарило.
Блѣдныя щеки накрасило холода—
Звонкимъ набатомъ по спячкѣ ударило
И приказало, чтобъ было все молодо...

Будьте же молоды—солнцемъ приказано!
Будьте пылающи, развѣ не слышите?!—
Солнцемъ приказано и пересказано,
И на сугробахъ топазами вышито...

КЪ ВЕСНѢ.

Льдяные валансьены крышъ сосульчато игольчатъ.
По тротуарамъ городскимъ иду къ Веснѣ я молча...
Капели голосъ струевой задорно баркарольчатъ.—

Смѣшна измятая зима, какъ старая кокотка...
Деревьевъ вѣтки въ бугоркахъ—монашескія четки.
„Ложись скорѣе отдыхать..." кричу зимѣ я четко.—

Пришелъ къ рѣкѣ. Рѣка молчитъ, но сонъ ея коваренъ,—
И хоть морозистый закатъ крикливо киноваренъ,—
Въ немъ нѣжный тонъ цвѣтовъ весны... онъ вьюгой не изстаренъ!

Фіалки муфты разожгли лиловостью весенней.
И въ жилахъ мечутся огни, и нѣтъ берложной лѣни...
И незнакомки бѣгловзоръ—пьянѣй вина сирени.

Часы Весны—сосульки крышъ, чѣмъ тоньше—счастье ближе...
Гляжу съ влюбленною тоской на плачущія крыши
И сердцу, бьющему въ набатъ, не говорю я „Тише..."

РАЗЛИЧІЕ.

У каждой дѣвушки въ глазахъ—весенняя новелла
У каждой женщины въ очахъ—романсъ душистый тѣла...
У каждой дѣвушки въ глазахъ—симфонія влюбленья.
У каждой женщины въ очахъ—соната обнаженья.—

У каждой дѣвушки въ глазахъ—фіалковые стансы.
У каждой женщины въ очахъ—жасминовые трансы...
У каждой дѣвушки въ глазахъ—нарушенная спячка.
У каждой женщины въ очахъ—любовная горячка...

У каждой дѣвушки въ глазахъ — предчувствіе объятій...
У каждой женщины въ очахъ—желаніе кровати.
И если дѣвушка хранитъ свою тоску по чуду,
Упрямо женщина твердитъ: „опять любимой буду!.“

И отъ сознанья пьяныхъ ласкъ, у женщины—истома;
Любовь, какъ страсть и нагота, ей хорошо знакома...
А сердце дѣвушки звенитъ, какъ хрупкій севръ на камнѣ:
„Любовь весны, тебя я жду и все же ты страшна мнѣ...“

ОДУВАНЧИКЪ—ЮНОСТЬ.

Ты—воздушный,
Непослушный..
Вѣтровой.—

Ты летаешь,
Нѣжно таешь,
Надъ землей.

Ты летишь безъ ясной цѣли,
Какъ мечта...
Мы въ ажуръ твой поглядѣли
—Красота!

Тихъ и нѣженъ
И безбреженъ—
Дальній путь.—

Ты, воздушный,
Непослушный,
Вольнымъ будь!—

СМАРАГДОВЫЕ ТРАНСЫ.

ГЕНРІЭТА.

Генри.

I.

Ты вся какая то испепеленная,
Тысячегаммная и однотонная...
Твой темпъ—единственный—капричіозо
Ты—чернобархатная тубероза.—

Лицомъ накрашеннымъ, порокомъ суженнымъ,
Душа дремавшая опять, разбужена.
Ты—наркотическая, кокаинная...
Карминногубая и змѣедлинная.

Глаза тиранящіе, эскуріальные
Двѣ бездны огненныя, костры провальные...
Два черныхъ вѣстника мученій длительныхъ,
Мученій ласковыхъ и ласкъ мучительныхъ.—

Ты вся—невѣрности и ожиданія,
Москва и Мексика... Парижъ и Данія...
Ты—четки, ставшія, вдругъ, кастаньетами,
Ты—неожиданность. Ты—Генріэта.

II.

Гноился красный глазъ автомобиля,
Потъ лошадей впиталъ твой шевіотъ.
Мечта на память бѣшенно лѣпила
Оркестра дробь и дьявольскій полетъ.

Изъ цирковыхъ я лишь его запомнилъ,
Зеленаго и вызвавшаго гулъ.
Твой ротъ мгновенно вспыхнулъ страстью томной.
Гвоздику кто въ твой ротъ тогда воткнулъ?!.

Зеленый въ куполъ бросилъ тѣло четко,
Нарисовавъ затѣйный арабескъ.
Ты рискъ пила эстетка—готтентотка,
Вся—диссонансъ, безумье и гротескъ.

О, ты жила!.. я ясно видѣлъ это...
Какой экстазъ плясалъ въ твоихъ ноздряхъ!?.
Твоя душа была тогда раздѣта,
Преступная монашка Генріэта—
И тотъ... держалъ тебя въ своихъ рукахъ!

III.

Ничего... Только шорохи флейтно-вдумчивой страсти.
Только тонкіе контуры прихотливо-изящные...—
Мы себя не втолкнули въ расширенныя пасти
Непродуманныхъ пошлостей, остротою звенящіе.

Мы сидимъ на окошкѣ у заснувшаго домика
И, дымя папироской, созидаемъ поэмы,—
Два бродячихъ эксцентрика, два хохочущихъ комика...
Два ребенка чудесныхъ непогибшей Богемы...

На матрацахъ убійственныхъ спятъ убійцы эстетокъ.
Спятъ уроды храпящіе, заплевавшіе радость,—
И луна льетъ шампанское въ рты восторженныхъ дѣтокъ,
Для кого сумасшествіе—еще мудрая сладость.

IV.

Торопливо свѣтало... проходили китайцы,
Виновато конфузно двери хлопали клуба,
Я ласкалъ, словно четки, твои длинные пальцы
И читалъ, какъ псалтырь, потускнѣвшія губы...

Небо было измято, какъ кровать послѣ оргій...
Облака излюхматясь, разорвались нелѣпо...
А мы двое сидѣли въ предразсвѣтномъ восторгѣ,
Еще грезили ночью и къ зарѣ были слѣпы.

V.

Ты лежишь и куришь папироску,
Выпуская за кольцомъ кольцо,
У тебя измятая прическа
И лицо...

За окномъ слюнявый день бормочетъ
Свой разсказъ...
Я тебя поцѣловалъ въ длинь ночи
Только разъ—

VI.

Я зову тебя Генри потому что такъ лучше...
Потому, что ты—мальчикъ въ формахъ женщины дикой.—
Ты—молитва бензоя... Ты—горѣніе пунша...
Ты—монашка Печалка въ кабакахъ Порто Рико...

На душѣ твоей разныхъ эксцентричностей пятна.—
Ты—Уайльдъ и мѣщанство... ты—изыскъ и нелѣпость...
Иногда ты ласкаешь задушевно и мятно
Временами пытаешь, но, всегда ты—Мазепа.

Въ твоей близости ближней есть далекая дальность...
На груди у поэта ты—невѣста жокея,—
Но твои извращенья освѣщаютъ банальность,
И въ твоихъ маргариткахъ расцвѣла орхидея.—

Ты въ лампадное масло льешь неистовый Астрисъ
Ты въ десу погружаешь кипарисныя четки...
Твои грезы безгрѣшны, какъ осеннія астры
Твои грезы порочны, какъ экстазы кокотки...

Какъ лѣсная пейзанка, ты порой суевѣрна.
Ослѣпляетъ, какъ солнце, твой спокойный анализъ...
Ты—рояль стоголосый... Твоя грубость чрезмѣрна
Твоя нѣжность бездонна, какъ мерцанье опала...

Ахъ, зачѣмъ говорю я?!. Вѣдь тебя не разскажешь!..
Вѣдь тебя не раскроешь какъ жемчужины тайну...
Даже если безъ створокъ свою душу покажешь
Если даже покажешь!.. Ты вѣдь вся снѣготайна!..

Ты вѣдь вся, какъ восторги искалѣченныхъ льдинокъ
На которыхъ пылинки и въ которыхъ алмазы,
И слѣды отъ мечтаній, и слѣды отъ ботинокъ,
Непорочное счастье и осколки отъ вазы...

Ты—трюмо міровое не видавшее міра,
Но въ которомъ Вселенной вѣчно новые лики...—
Ты—проклятье аскета яркороскоши пира
И гетера-вакханка въ ярко-алой туникѣ.

ЧЕРЕМУХА НА АСФАЛЬТѢ.

I.

Я купилъ тебѣ черемуху у китайца на панели.
Ты букетикъ положила на такой же бѣлый столъ...
Мы въ кафе провинціальномъ за пирожными сидѣли.
Мимо ярко продельфинилъ съ офицерами авто...

Раньше, въ книжномъ магазинѣ мы достали томъ о Гойѣ...
Надъ „Капричосъ“ наклонившись ты пила несладкій чай,—
Ахъ, какой ты мнѣ казалась безконечно дорогою!..
„Барельефъ... офортъ... Одно вѣдь?.“ ты спросила невзначай.

Я былъ счастливъ. Вѣдь въ наивномъ, дѣтски-глупенькомъ вопросѣ
Было столько отъ заката, отъ черемухи, отъ сновъ...—
Что я могъ лишь погрузиться въ дымъ каирской папиросы
И прижать уста любовно къ бѣлымъ звѣздочкамъ цвѣтовъ.

Да, душа твоя простая, хоть прическа—стиль Медузы...
Хотя ротъ твой ярко алый—губка жадная на все,
Хоть ты смотришь съ вожделѣньемъ на военныя рейтузы
Но черемухи безгрѣхье это—истинно твое.

А черемуха лежала, разметавшись шаловливо,
Какъ ребенокъ въ бѣломъ платьѣ на квадратикѣ стола,—
И изъ глазъ циклонноспящихъ, что какъ въ тропикахъ заливъ—
Всѣ грѣхи твои земные сдула, выпила, смела...

II.

Мы сидимъ и глазами обнимаемъ другъ друга,
Я гляжу на тебя... Ты глядишь на меня...
Мы—закатные блики... Мы—предзорьная фуга
Мы уже молодые нашу дряхлость смѣня.

Размечтались какъ дѣти: „Вотъ отправимся въ Чили
Тамъ брюнетныя души и агато—тѣла".
Мы фантазную повѣсть въ одинъ мигъ настрочили...
И сижу я лазурный и сидишь ты свѣтла.

За столомъ въ гіацинтахъ—офицеры румыны...
Атакуетъ блондинку щуплый юнкеръ въ пенснэ.—
Ты въ шуршащемъ Тальерѣ, но съ душою ундины,
Надъ черемухой грезишь въ экзотическомъ снѣ.

„Мы отправимся въ Чили"—повторяешь ты тихо...
„И я буду рыбачкой и ты будешь рыбакъ..."
И блеститъ, какъ надежда, вызывающе лихо
На ногтяхъ твоихъ острыхъ пламенѣющій лакъ.

„Бунгало изъ гранита мы построимъ въ долинѣ
И постель у насъ будетъ изъ волнующихъ травъ...
Какъ мы души расправимъ прямотой прямолиній!..
Мы отправимся въ Чили... зовъ фантазіи правъ..."

Я молчу. Мнѣ поэмно... Я въ черемухотрансѣ,
И кафе завертѣлось карусельчатѣй сна...
Мы лишь въ Маѣ смѣняемъ грузъ наукъ на романсы...
Анатомій не знаетъ лишь чилійка—весна!

III.

„Бѣлая черемуха...
Купите! Купите!..“
И тонкія нити
Ползутъ по душѣ...

И въ Мая тенета
Забросилъ васъ кто то,
Но вамъ не обидно,
Душа—какъ саше...

Душисто и пряно,
Душисто и тихо.—
Платочки эмоцій,
Въ черемухъ саше!..

У океана,
Подъ снѣжности Грига
Душистые танцы въ душѣ.—

Май. 1918.

ТАЙФУННАЯ СКАЗКА.

I.

Валы освирѣпѣлые
Взметаютъ гривы бѣлыя
Въ далекую лазурь.
И съ хохотомъ,
И грохотомъ,
Съ протяжно-мѣднымъ рокотомъ
Бушуетъ демонъ бурь.—
Сѣдое море пѣнится...
Чуть мигъ— оно измѣнится
Въ сапфиръ и изумрудъ.—
И катится стремительно
Въ безумьи упоительномъ,
Плетя узоръ причудъ.—
А вѣтеръ льетъ рыданія,
Сгорая отъ желанія
Слить съ небомъ океанъ.
И мнится: небо клонится,
Въ пучины водъ уронится;
Такъ крѣпокъ ураганъ!
Все море—арфа грозная,
Гирлянда бѣлорозная
На изумрудѣ струнъ.
Грудь арфы разрывается
И радостно рождается
Безумный богъ—Тайфунъ.—

II.

Въ жаждѣ ласки простираютъ волны руки:
„Поласкай насъ и забудь насъ юный Богъ!
Послѣ мига, пусть придутъ столѣтья муки,
Ахъ, упругіе тиски мохнатыхъ ногъ!...
„Въ нашемъ морѣ тѣ же будни, тѣ же страхи.
Тѣ же страхи, что у жизни на землѣ—
Ахъ, позволь сорвать намъ пѣнныя рубахи
И отдаться каждой, влажной на скалѣ!..."

III.

Богъ хохочетъ... Богъ не хочетъ.—Въ дымныхъ даляхъ
Онъ замѣтилъ бѣлый парусъ, парусъ бѣлый—
И напрасно волны къ ласкамъ увлекали—
Богъ—Тайфунъ спѣшилъ туда, гдѣ парусъ бѣлый..
Волны жадныя бросались, какъ пантеры,
Но Тайфунъ лишь видѣлъ парусъ... парусъ бѣлый..
Волны звали въ изумрудныя пещеры—
Но такъ робко бился, вился парусъ бѣлый...
Парусъ бѣлый надъ дымомъ
Заплясавшаго моря.—
Какъ крыло херувима,
Какъ улыбка застывшаго горя...
Какъ улыбка печали,
Превратившейся въ ледъ.—
Бѣлый парусъ изъ лазанной дали
Зоветъ и зоветъ.

IV.

Ахъ зовы паруса, ахъ, трепетъ паруса
Необычайный и несравнимый!..
Восторговъ дѣвственныхъ воздушно-ярусы,
Видѣнье дѣвушки почти любимой
Почти любимой, но недостигнутой
...На горизонтѣ...
Ахъ бѣлый парусъ желаньемъ выгнутый
На горизонтѣ!—

V.

Но взбѣшенныя волны ревнивы,
Бѣлый парусъ онѣ разорвали,
И предъ богомъ вертясь шаловливо,
Смертнымъ саваномъ счастья махали:
„Не хотѣлъ насъ взять,
Влажныхъ на скалѣ...
Вотъ!...
И Тайфунъ улетѣлъ рыдать
Къ землѣ.
И поетъ:
Бѣлый парусъ... Тебя нѣтъ, парусъ бѣлый!
Я стремился къ тебѣ... Ты погибъ.—
Ты погибъ парусъ бѣлый
Но я помню твой робкій изгибъ.—
Словно плечи невѣсты дрожали
Подъ фатой,
Въ началѣ—
Не крича наготой...
Словно свадебный робкій сигналъ
Къ ласкѣ...
Умеръ финалъ
Нашей траурной сказки!—
Но я помню твой трепетъ,
Когда
Я летѣлъ къ тебѣ. Въ скорби склепѣ
Онъ мнѣ будетъ—звѣзда
Всегда.—

VI.

Тише море... Глуше вѣтеръ... Даль свѣтлѣе...
Замираетъ,
Доживаетъ
Пѣсня струнъ.—
И блѣднѣя,
Цѣпенѣя,
Холодѣя
Умираетъ
Съ грезой рая
Богъ-Тайфунъ.

Владивостокъ. Эгершельдъ. 15 сентября 1919 года.

ГРУСТИЛЬ.

Весенней Га, распускающимся лиліямъ—радостницамъ и розовымъ бегоніямъ, пугливо вздрагивающимъ у кровати больного поэта.

I. БОЛЬНИНКИ—БЕГОНІИ.

Бегоніи—розово-бѣлыя хрупочки,
Дѣвинокъ чахоточныхъ яркорумянцы,
Какъ стая танцовщицъ въ коротенькихъ юбочкахъ,
Межъ листьевъ затѣяли грустные танцы.

Такія румяныя, бѣлыя грустницы!..
Какъ будто сердца ихъ обсыпаны пухомъ —
Какъ будто онѣ не успѣли напудриться
И скрыли въ снѣжинкахъ горящее ухо.

И тихо. И нѣжно. И бѣло. И розово.—
Дрожаніе робкое розовыхъ юбокъ...
А ночи дыханье какъ гибель угрозово
Бегоніямъ страшно... Прижаться къ кому-бы?!

Отъ близости холода вздроги ихъ дрожнѣй...
Отъ близости ночи—головки ихъ ниже...—
Будь съ ними больнинками ночь осторожнѣй—
Онѣ вѣдь пуглинки, пуглинки они же!..

II. ЧЕТКИ И ГРѢХЪ.

Четки, что далъ вамъ задумчивый инокъ,
Вашъ будуаръ посѣщавшій украдкой—
Вы на трюмо, гдѣ бѣлила съ карминомъ
Бросили съ вѣрой, какъ средство отъ яда.

Шарики блѣдные—ладанъ и сумракъ...
Въ шарикахъ влажныхъ—унынiе кельи.—
Кажется кто-то молитвенный умеръ
Въ желтой пустынѣ самумнаго тѣла.

Умеръ и высохъ въ янтарные сгустки.
Долго томившiе пальцы монаха.
Ахъ, ваше сердце отчетливо пусто,
Словно, всѣ головы съѣвшая, плаха!

III. СЕРДЦЕ ВЪ ПЕТЛИЦѢ.

Я вдѣлъ свое сердце въ петлицу,
Для тебя.—Дѣлай съ нимъ, что хочешь!..
На него ты можешь молиться...
Растоптать хохоча, какъ хохочешь...—

Мое сердце—краснѣй камелiй
Самыхъ, хищныхъ, страстныхъ, алыхъ.
Я въ петлицу воткнулъ безъ цѣли
Мое сердце. Оно устало.

Тамъ, въ груди—отъ тебя оно дальше.
Тамъ, въ груди—ты его не видишь...
Не стѣсняйся... Скорѣй изжаль же!..
Дѣлай все съ нимъ!.. Меня не обидишь

Захвати надушонной перчаткой...
Изомни, и отбрось, и разсмѣйся!..
Мнѣ не надо любви даже краткой—
Ахъ, алѣй мое сердце алѣйся!..

IV. ЖИРОФЛЕ.

Твои духи!.. Le Giroflee
Флаконъ—хрусталь—плита надъ гробомъ.
Въ вечерней мглѣ, какъ сталь въ иглѣ,
Знакомый запахъ тонокъ, робокъ...

Но гуще ночь и онъ слышнѣй.
Вотъ загремѣлъ, какъ рогъ предъ битвой—
И къ горлу льнетъ плотнѣй, сильнѣй
Блестящій ножъ душистой бритвы.

Духи—твои, но ты—не здѣсь;
И ножъ духовъ, остро вонзаясь,
Мнѣ о тебѣ приноситъ вѣсть,
Въ снѣгу зарытый снѣжный заяцъ!

Блестнешь, какъ пьяный хвостъ кометъ
Мелькнешь невѣрною такою.—
А бритва рѣжетъ горло мнѣ,
Кровавя бѣлые левкои...

V. ГРУСТЯЩІЙ ХЛЫСТЪ.

Грустящій хлыстъ, свернувшійся отъ скуки—
Не щелкнешь ты въ зеленыя поля,
Надъ гибкою спиной шотландской суки.
Соперничая съ рѣзвымъ „Voila"!

Лежатъ нетронуто манжетныя перчатки.—
Твой сплинъ и съ нихъ, и съ сердца пыль не сдулъ.
Душа настойчиво играетъ съ прошлымъ въ прятки—
Все тамъ же спитъ лимонный какаду.

Грустящій хлыстъ, она теперь не съ нами!..
А помнишь лугъ... лисицъ... галопъ... рожокъ?!
Ушла.—И вотъ чуть грѣетъ насъ огнями,
Любимый ею, бронзовый божокъ.

Дрожитъ въ углу шотландская борзая;
Ей холодно... Ей грустно, какъ и намъ!
И бѣлый хлыстъ ей спину не терзая,
Лежитъ какъ съ сердца снятая струна

VI. ПЛАЧУЩІЙ ИДОЛЬЧИКЪ.

Яванскій идольчикъ стоитъ на красномъ лакѣ.
Онъ черный помнитъ ласки вашихъ рукъ.
Сегодня отъ тоски и онъ заплакалъ:
Я слышалъ слезъ по дереву „тукъ-тукъ"...

Вы много нѣжныхъ словъ ему шептали,
Когда, нагая, ждали на парчѣ...
Васъ съ нами нѣтъ... Далекая, вы та ли?..
У идольчика слезы все звончѣй...

Зачѣмъ ты плачешь, черный коротышка?
Ты не услышишь больше нѣжныхъ словъ!
Мы для нея—забытая интрижка,
Отцвѣлъ жасминъ и отцвѣла любовь.

Давай, смѣшной, тебѣ напудрю щеки.
Мужчинѣ плакать!? Фи!... Еще дикарь!
А самъ зачѣмъ то вынулъ рыжій локонъ,
А самаго грызетъ на смерть тоска...

Обсыпалъ пудрой густо деревянца,
Чтобъ былъ онъ бѣлъ, какъ тотъ... тогда... жасминъ.—
Ахъ, если-бъ стать игрушкой—истуканцемъ
И уронiться въ тлѣющій каминъ!..

VII. УЛЫБАЛЬЧИКИ-ПАЛЬЧИКИ.

Улыбальчики—пальчики—хрупкія длинки.
Милые, любимые, нѣжные киванчики,
Тихія хрустинки, былинки—шорохлинки...
Зацѣлованные зацѣлованчики.

Прозрачнѣй лилій восковыя свѣчанки.
Съ розовымъ пламенцемъ малютань-ноготинокъ.—
Длиннотѣлыя, узкія стрекозы-рѣчанки,
Паучки—прытики ладушъ паутинокъ.

Пальчики—овальчики, на концахъ лепестинцы,
Прилипшіе выпукло къ мраморострункамъ...
Улыбальчики-пальчики—хрупкіе длинцы
Тянутки вѣчные къ крохоткамъ лункамъ.

Въ каждомъ улыбальчикѣ-пальчикѣ—скинія.
Въ каждомъ киванчикѣ кованномъ—небо.
Хрупинки-хрустинки, вы—изъ инея,
Молиться, молиться, гдѣ бы не былъ!..

СМАРАГДОВЫЕ ТРАНСЫ.

НАВѢЧНОЙ ГЕНРИ.

I.

Ваши губы не алы, простите синьора!.
Ваши губы—сокъ ландышей бѣлыхъ.
Ваши майскія губы—молитвы Тагора
И у васъ—предразсвѣтное тѣло...

Предразсвѣтное тѣло, синьора, дано вамъ
Пробужденье котораго чую...
Я люблю васъ ласкать въ полумракѣ лиловомъ
Я любя васъ, въ волшебномъ кочую...

Вы—Инфанта Фіалокъ, вы знаете это?.
Вы—принцесса смарагдовыхъ трансовъ..
Я хочу подарить вамъ аккордобукеты
Удивительно пряныхъ романсовъ.

Ваши губы облатка душистой ванили
Флаконетъ съ неземными духами...
И всю ночь вы одна, вы одна мнѣ лишь снились,
Протомился я ночь въ вашемъ храмѣ.

И когда встрепенутся румяныя зори
Въ пяльцы неба вплетя огненити,—
Вы тогда, въ мой покой, Голубая Синьора,
Съ пробудившимся тѣломъ придите!..

II.

Мнѣ все равно, что будетъ Завтра, или въ
часы, что будутъ послѣ!..
Мнѣ все равно какія сказки я потеряю
чрезъ тебя,—
Корабль оштормленъ. Звонитъ парусъ. И поглотили волны весла
И я махровлю сердца радость, иныя радости губя

Мнѣ нѣтъ возврата къ упоеньямъ, въ которыхъ
нѣтъ твоихъ нюансовъ.
Міръ—пустъ, и слѣпъ, и обезсолнченъ, хотя онъ
полонъ, какъ всегда,—
Я добровольно подчинился гипнозу злыхъ
смарагдотрансовъ,
И для моей корсарной жизни Ты—путеводная
звѣзда.

О, заведешь ли ты на выси иль въ безысходныя
болота,—
Подаришь бархатъ поцѣлуя или мученія скрижаль...
Мнѣ все равно!.. Благословляю твои смарагдныя
тенета,
И никакихъ мостовъ сожженыхъ ни на минуту
мнѣ не жаль.

Я не рощу надеждъ спокойныхъ... Ты вся—порывъ
и летъ зигзага...
Тебѣ себѣ быть вѣрной трудно, такъ какъ же
вѣрной будешь мнѣ?!..
И въ сердцѣ сложномъ такъ недавно, ты
—исключительная сага
И я, далекій краскамъ жизни, тону въ
смарагдной глубинѣ...

Ты для меня—дворецъ ундины, гдѣ потаенный
ростъ жемчужинъ.
Гдѣ лапки аленькихъ коралловъ живутъ
еще не отвердѣвъ.
Мнѣ для сонатъ необычайныхъ твой лейтмотивъ
единый нуженъ,
И вся ты!.. вся!.. въ своихъ изломахъ—
неумолкающій напѣвъ.

Любимый городъ!.. Башни!.. Двери!.. Дома и улицъ
вереницы...
Наркозы глазъ!.. улыбки бедеръ! ночей
асфальтовыхъ дурманъ,—
Все стало ложью съ появленьемъ моей
единственной царицы,
И послѣ множества *разсказовъ* я началъ первый
свой *романъ*.

Романъ мученія и нѣги... Романъ страницъ
рожденныхъ кровью...
Романъ изъ ландышныхъ ласканій и цикламенно-
пряныхъ строкъ
И черезъ двадцать восемь весенъ я познакомился
съ любовью
Въ саду мечты нежданно выросъ ея рубинный
лепестокъ...

Моя смарагдовая роза, тебѣ—элегіи и стансы!..
Тебѣ безвѣстные размѣры и непропѣтыя слова!..
Безвольно-вольно погружаюсь въ твои смарагдовые
трансы
Безвольно-вольно отдаются тебѣ и кровь и голова.

Мнѣ безъ тебя не свѣтитъ солнце и не поютъ
рапсодій птицы...
Мнѣ безъ тебя безгрезно въ міръ и неуютно въ
красотѣ...
О, эти руки--стебли лилій Моей Смарагдовой
Царицы—
Вы увлекаете гипнозно къ благоухающей чертѣ...

Когда съ тобой—каскадитъ сердце и въ немъ—
разбрызгъ брильянтныхъ сказокъ...
Когда съ тобой—втекаетъ въ душу звеняще-
вальсно полный міръ,—
Въ моихъ глазахъ живутъ милльоны неукротимо
жадныхъ глазокъ,
Но у безбожника-поэта лишь ты—циклонящій
кумиръ.

Не ожидалъ, что завершится жизнь тарантельная
такъ узко...
Но жизни прелесть—Неугады и полновластіе
причудъ.
О, гіацинтъ слоновокости—моя единая подружка
Тебя моноклемъ вставивъ въ душу, смотрю на
міръ чрезъ изумрудъ.

Твои смарагдовые трансы!.. Я навсегда въ ихъ
сладкой власти...—
Изъ розъ зелено-хризопрасныхъ тебѣ я выстроилъ
алтарь.—
И даже, если ты—несчастье, ты все-жъ—единственное
счастье!!
И рабъ, лежащій предъ тобою, я—овладѣвшій
міромъ царь!..

1919. Осень.

ЛАСКОВАЯ АТАКА.

НОВОГОДЬЕ НѢЖНАГО ГРѢШНИКА.

Давиду Бурлюку — моему другу и взрывателю во Имя Пресвѣтлой Красоты.

I.

Я—Пьеро хромой и одноглазый...
Волосы—одинъ хвостатый клокъ.
Я любуюсь на дѣтей въ салазкахъ
Черезъ мой опаловый монокль.

Я люблю чтобъ радужнилась сѣрость,
Чтобы клячи будней мчались вскачь...
Подойдя къ измызганной гетерѣ
Я шепчу внимательно: «не плачь!».

«Всунь свой профиль въ синій нимбъ витрины,
И святися нѣжностью грѣха...
Не вдыхай магнолій кокаина!
Будь—какъ я—трепещуще тиха.»

Я хотѣлъ бы видѣть нѣжность всюду...
(Соглашусь на маленькій клочекъ).
Но въ опалѣ нѣжность и покуда
Заогнюсь единственной свѣчой.

Разверну мечту на тротуарѣ
И прочту ее на нѣжный гласъ,
Кто же?.. Кто!.. со мною станетъ въ парѣ?...
Столбъ афишный—мой иконостасъ.

Никого!.. а сумерки сѣрѣютъ,
Непахучимъ ладаномъ кадя...
«Нѣжности давно свернули шею!».
Пробурчалъ какой то франтъ, идя.

Провезли салазки дѣти цугомъ.
«Дѣти!..нѣжность...нѣжность жду въ храмъ мой!»,
Надъ домами вечеръ каркнулъ глухо:
«Долго ты прождешь Пьеро хромой»...

II.

Еще только вечеръ, но душа вальсируетъ,
И сердце въ бальномъ туалетѣ уже...
А что, если новое счастье могилу выроетъ?!...
Душа, вы напрасно одѣли соболій горжетъ!

Вѣдь мы съ вами немножко иные, чѣмъ прочіе.
Неправда ли, Нѣжнинка—Душа?..
Мы, дѣйствительно, встрѣтимъ новое этой ночью,
Если къ новому подкрадемся на цыпочкахъ, не спѣша.

Къ счастью надо приближаться на цыпочкахъ,—повѣрьте!..
Не прирученное счастье не легко поймать!
Зимняя улица—къ свадьбѣ зовъ въ конвертѣ,
Только вкругъ конверта черная кайма...

III.

Пронесъ вшубившійся покупокъ кучу,
Засоритъ счастье соръ мелочей!
Какъ хорошо, Душа, что мы радость не мучили
Глупой нудьею парадныхъ рѣчей!...

Не надо бѣлой скатерти... хрусталя... кувертовъ.
Все это напоминаетъ тризну— не пиръ.
Сядемъ у витрины—Пьеро съ Пьеретой—
И звякнемъ въ безукоризненность укоризной лиръ.

Неужели и подъ новый годъ необходимы фраки,
Накрахмаленныя салфетки и вычищенныя слова?!.
Ей богу, бога больше въ собакѣ!
У нея шерсть—пасхальная трава.

Душа!... Устроимъ Воскресенiе Нѣжности...
Если не во всѣхъ, то хоть въ насъ самихъ,
Весело выскользнувъ изъ лапъ Неизбѣжности
Въ—по новому—мигающiй мигъ.

IV.

Душа радовалась, а потомъ—продрогла.
Дрожало худенькое тѣльце.
Хрупинка!... Ей въ тяжелый рогъ ли
Новое протрубить осмѣлиться?!

Даже о Нѣжности... нѣжно даже
Не смогла прошептать и то,
Уѣхала,—и долго въ экипажѣ
Краснѣло за нее манто...

V.

Я брожу... Упорствую!.. волнуюсь!..
Скоро треснетъ мiровой животъ
Жизнь земному выбросивъ иную...
(Сердце знаетъ: Новый Годъ солжетъ
А ждетъ)...

Сердце—вѣрный другъ и не измѣнитъ.
Сердце—не душа... Не оторвешь!
Сердце вѣритъ: Нѣжность всѣхъ одѣнетъ,
Будетъ жизнь изъ Принцевъ и Вельможъ...
(—Ложь?..
Ну, что жъ!)

VI.

Подбѣгаю ко всякому...«Вы, Нѣжность купили?».
Ругаются...косятся...молчатъ.
Что небо—одного бога, всѣ забыли
И забыли, что я—всѣхъ братъ...

Кульки... цвѣты... корзинки... свертки...
И изъ грузной толпы ни одинъ—
Не купилъ дешевой отвертки,
Чтобъ ослабить винтикъ рутинъ!..

VII.

Одиннадцать. Появляются дамы... Теплый смѣхъ...
А на улицѣ холодно...холодно,какъ всегда зимой...
Никто нѣжнаго грѣшника не закутаетъ въ мѣхъ
Ходить ему...ходить по улицѣ сѣдой!

Ходить и подглядывать за счастьемъ другихъ...
Думая о цвѣтахъ... о пѣнистѣлой Ню,
Перебирая въ грезахъ, струны ноги
Женщины, уронившей платокъ, обрызганный Inconnu

VIII.

Пробѣжала неровная пара...
(Подъ Новый Годъ—Полвѣка и Четверть вмѣстѣ
бѣгутъ впередъ!).
Роза упала на тротуаръ
Жадная, какъ ротъ.

Пара скрылась..
(Спѣша къ новому счастью...)

„Ихъ бѣгъ—безкрыленъ"...
Роза шепнула съ-участьемъ. —

„Дѣвушка вернется...
Знаю!..
Черезъ нѣсколько минутъ"...

Сердце бьется...
Чего я ожидаю?!
(Шелковая роза обрызгана Inconnu).

IX.

Тѣ, кого знаю —старые и смѣшно съ ними встрѣчать Новый Годъ,
А новые откажутся, если предложу Новый Годъ вмѣстѣ встрѣтить...
Развѣ нѣжная дѣвушка на нѣжный зовъ придетъ?..
Развѣ нѣжностью на нѣжность отвѣтитъ?!..

Проѣхали знакомые, обдавъ снѣжной пылью..
Крикнули: „что дѣлаете, замаскированный такъ?..."
Отвѣтилъ: „произвожу смотръ человѣческому безсилью
И наношу ему веселый „coup d' etat"

Поняли... Нѣтъ ли... шумѣли съ авто сходя,
Ресторанъ проглотилъ ихъ весело...
Дѣвушка приближается... одна...—„Дитя!..
Хотите, чтобы новыя чудеса надъ вами новая жизнь развѣсила"?...

Шарахнулась... „Пьяный... Какъ не стыдно приставать подъ Новый Годъ"!...
„Глупая!. Когда же—какъ не теперь—быть нѣжной и молодой"?!.
Но убѣжала не внявшая... и небо, раскрывъ синій ротъ,
Плюнуло вслѣдъ ей падающей звѣздой.

X.

Новый Годъ—бумажный кораблик,
Онъ—для поэтовъ, дѣтей и собакъ...
Люди до старости своей издрябли
Не вымолодить ихъ никакъ...

Такіе ужъ люди—старыя копѣйки;
Такіе ужъ люди—выщербленные пятаки...
Даже Новый Годъ не служитъ имъ лазейкой!..
Забодали ихъ важные пустяки...

Разъ въ триста дней и то —не праздникъ!..
И то—не могутъ засиренить весну.
То ли дѣло поэтъ... Р-разъ въ дни!..
И дни—настежь... Хотите, скуку полосну?..

Позвоню въ звѣзды... Звѣзды—колокольчики!
Звѣзды—бокальчики съ шампанскимъ планетъ!..
Снѣжныя дѣтки—нѣжные богомольчики
Хотите пригоршню звѣздныхъ конфектъ?..

Поэтъ—подъ звѣздами Новый Годъ встрѣчаю.
На снѣжной улицѣ... Нѣжности радъ.
Моей нѣжности никто не отвѣчаетъ,
Но звѣзды—горятъ.

XI.

Не могутъ родить красоту и не могутъ почувствовать!

Ну, чтожъ!.. Протупѣютъ еще вѣка два.
Никто не хочетъ Нѣжному сопутствовать
Не слышитъ его слова...

И не надо!.. Пойду, на мандолѣ тренькая,
Пѣть серенады афишнымъ столбамъ...
Подымаясь къ звѣздамъ звонкой ступенькою,
Шепотомъ заглушая набатъ.

Слушайте меня плакаты и афиши!.
Вамъ журчитъ пѣсенная труба.
Пусть ее еще собака слышитъ,
Самая послѣдняя изъ послѣднихъ собакъ!

Въ ея шерсти: благословенія... клоаки... сажа...
Улыбки дѣтей... колокола въ тиши..
И эхо грохочущаго экипажа,
Съ алымъ манто убѣжавшей души...

Хотѣлъ подарить новое къ новому году,
Да у людей для новаго кишка тонка.
Эхъ—самое время!—бухнуть въ воду
Полъ человѣчества, какъ слѣпого щенка!

XII.

Я набрелъ на пустой кіоскъ
Съ надписью: „ПРОДАЮТСЯ ГАЗЕТЫ.“
Ну, не изысканнѣйшій ли лоскъ
Новый Годъ въ кіоскѣ встрѣтить!?

Меня въ ресторанѣ ждутъ.—
У женщинъ дрожитъ нога...
А я въ звѣздномъ бреду,
Бреду,
Въ саду—
Въ снѣгахъ...

По аллеѣ ползла собака.
Я ее подозвалъ свистя...
„Подъ Новый Годъ не надо плакать,
Четвероногое дитя...“

И съ царственной небрежностью
Перечеркнувъ рекламу газетъ,—
Написалъ: „КІОСКЪ НѢЖНОСТИ
ВЪ КОТОРОМЪ НОВОГОДИЛЪ СЪ СОБАКОЙ
ПОЭТЪ.“

31/хп—19.

НА УЛИЦѢ.

Ф. Камышинскому—вѣрному жителю Бѣлой Земли.

Улица плакала скрипкою пискно-протяжно...
Плачъ барельефилъ на склепности многоэтажной,
И катафалчно на шляпѣ Венеры продажной
Страусогроздья султанились фарсово важно.

Я выходилъ одинокій за двери притона.—
Слушалъ романсы ботинокъ моцартнаго тона...
И послѣ оргій мечталъ о влюбленьи Платона,
Взоромъ увязнувъ въ разводахъ небесно-кретона.

Ноздри кололъ шепелявый наркозъ кокаина...
Грезы сманила, заросшая макомъ, долина,
Сердце пищало, какъ будто оно—окарина,
«Ахъ, ну не все ли равно кѣмъ быть въ сплинѣ?!».

Жизнь... это что? майонезъ шоколада съ горчицей.
Жизнь... Это — Остръ. — Прокаженный на ложѣ съ царицей...
Ландышъ въ навозѣ... Мулатка и мужъ свѣтлолицый..
Пьяный пьянилъ я, неистово, мысли столицей.

Ахъ, этотъ городъ—цыганка съ очей поволокой...
Четвертовалъ онъ меня затаенно жестокій.
И раскололъ, какъ когда то бензойнаго Блока,
Всхлипы души—на цѣпочкѣ свершеній—брелоки...

Шапка паяца... бубенчики... шаржныя мины...
Дѣвушки милыя, бросьте въ поэта жасмины!..
Я не хочу! не хочу снѣгорозъ кокаина...
Дѣвушки милыя, бросьте въ поэта жасмины!..

РАСКРОЙТЕ ДУШУ.

Раскройте душу... Не бойтесь!
Нежеланное входитъ въ закрытую дверь.
Воруютъ у слѣпыхъ... Успокойтесь
И вѣрьте!..

Зовите женщинъ, если вы мужчина...
Зовите мужчинъ если вы Ню,
Въ жизни много чиновъ, живите безчинно!...
Хотите, у дверей вашихъ душъ позвоню?!

Смѣлы? Звоните сами къ поэту
Онъ поможетъ вамъ душу раскрыть...
Прекрасно это—
Съ раскрытой настежь душой жить!...

ВСЕНѢЖЬ.

Дѣвушкамъ съ голоднымн глазами стоящимъ у самой моей эстрады.

И еще хочу возгласить съ надеждой
Необходимость Нѣжности на землѣ...
Мужчины!.. Назовите Нѣжность невѣстой...
Поставьте ея портретъ у себя на столѣ.

Даже, если портретъ просто вѣтка сирени,
Мечтайте съ цвѣткомъ свадьбу сыграть!..
Пусть будетъ Нѣжности вѣчнымъ видѣніемъ
Сирень во льду баккара.

И, вы Женщины, рожденныя изъ Нѣжности
Изъ морской пѣны, луны и мѣховъ,
Добровольно отдайтесь во власть неизбѣжности
И замѣните Нѣжностью жениховъ.

Это значитъ, увидѣвъ печально-грустнаго
На улицѣ, въ театрѣ, у ночныхъ витринъ
Коснуться лучами улыбки устъ его
Показавъ, что для него вы воткнули эспри.

Это значитъ, почувствовавъ совершенно ясно,
Что вы и нищій для солнца—одно,
Подойти къ нищему съ гвоздикой красной
Изъ цвѣтка вмѣстѣ тянуть вино.

Это вѣдь можно, если въ Нѣжность повѣрить!..
Если на минуту, не смотря на то,
Что въ сердце каждаго заперты двери,
Распахнуться для нѣжныхъ ртовъ...

И съ душой на распашку пойти на распашку
Кочковатой почвы земли!..
Вѣдь солнце снимаетъ ночи рубашку...
Женщины...а вы бъ могли?!—

На зарѣ каждый день срывать шемизетки,
Чтобъ горѣть для всѣхъ, обнажась?..
Нѣтъ?! Такъ отчего же вамъ странно, дѣтки,
Что солнце всемірнѣе васъ?!

Научитесь солниться и вы немного,
Чтобы равными утру быть.
И тогда превратятся ваши ноги
Въ архангельскія двѣ трубы...

И когда вы нагія въ оттѣнкахъ Аи
Развернетесь, для всѣхъ, какъ цвѣтокъ,—
Съ человѣческихъ чувствъ сойдутъ лишаи,
Ихъ смоетъ Всенѣжи потокъ!

ЕКТЕНІЯ ПОЭТОВЪ.

Душа томится...
Раскололась,
И мы расколемся...
Надо молиться...
„Съ миромъ Господу помолимся!..“

Помолимся сердцемъ, какъ фрезіи,
Сердцемъ, какъ дѣвность снѣговъ.
„Да, Воскреснетъ Богъ Поэзіи
И, да расточатся Врази Его!...“

Каждый поэтъ, большой и малый,
Новую пѣсню куй!
Мы не отсверкали
„Исайя Ликуй!“

И пошелъ я дѣвушекъ кликать.
Чтобъ несли души росу.
Слышалъ бѣшенный крикъ Лантерика,
Дико,
Звавшій
Съ десу...

Но на зовъ духовъ не отвѣтилъ,
И тихо къ дѣвушкамъ шелъ.
Былъ звоненъ, былъ чистъ, былъ свѣтелъ,
И дѣвушекъ нашелъ.

Онѣ припали къ гранитамъ.
Какъ долго, какъ долго я звалъ!..
Молчали хмурыя плиты,
И городъ молчалъ.—

Я крикнулъ: „Придите!.. Придите!..
Мы васъ ждемъ у витринныхъ лампадъ.
Сокъ души для пѣсенъ несите...“
И ушелъ назадъ.

Я дѣвушекъ нѣжныхъ не видѣлъ,
Но біеніе слышалъ сердецъ.
Я ихъ Чистыхъ ничѣмъ не обидѣлъ...
Повѣрь, о, Святой Отецъ!..

Души Поэтовъ томятся,
Томятся по Нѣжнымъ давно...
Новыя пѣсни роятся,
Снятся,
Пурпуря дно.

„Приходите!..“ я крикнулъ въ свѣтлицы—
„Не придти на Мессу нельзя...“
И меня увела по столицѣ
Освѣщенныхъ панелей стезя...

Въ пути я встрѣчалъ поэтовъ,
Говорилъ: „Я не видѣлъ Ихъ,
Но монашекъ рубашки раздѣты,
Готовьте молитвенный стихъ.“

Идемте скорѣй на панели
Невѣсты насъ вмѣстѣ ждутъ.
Гамены стихирь одѣли,
Поютъ...

Пришли. Ихъ нѣтъ.—Сверкаетъ
На мѣхахъ брилліантный крестъ...
Вьюга мелькаетъ,
Таетъ,
Но не видно Бѣлыхъ Невѣстъ.

Электрическія лампады,
Не мигая, горятъ...
И только кокотки обряды
Творятъ.

Черные муары—ризы—
Строгія ризы грѣха...
У гетеры и у маркизы
Молитва тиха.

Будемъ молиться съ гетерой,
Чтобы новою жизнь была...
Вмѣсто ладана парфюмерій
Колетъ
До боли
Игла.

Съ женственной нѣгой Келькъ-Флера
Споритъ лукавый Вертижъ...
Въ сердцѣ короткая ссора
И вскорѣ—
Тишь.

Со мною рядомъ тонкая,
Тонкая кокотка въ манто.
Она—съ иконкою звонкою,
На ней палантинъ изъ кротовъ...

Она душистая, мшистая,
Какъ снѣжный, нѣжный звонъ.
Лицо у нея серебристое,
Мглистое, какъ небосклонъ.

Уста ея пылаютъ...
Изнываютъ...
Таютъ...
Жгутъ.
Уста ея устъ ожидаютъ,
Гложутъ,
Тревожатъ,
Зовутъ...

Она пришла помолиться;
Ее привелъ Пьеро,
Чтобъ остро
Опьяниться
Блудницей,
И потомъ плясать болеро...

И еще, еще другія
Идутъ на свѣтъ лампадъ...
Онѣ и въ мѣхахъ—нагія
Алмазы ихъ тѣлъ блестятъ.

Изъ авто вышли подруги...
Длинныя лица блѣдны.
Въ глазахъ ихъ—музыка вьюги,
Грѣховные,
Зовные
Сны.

Въ ихъ пальцахъ сложенныхъ вмѣстѣ
Орхидеи—феи зла...
Эти двѣ: Женихъ съ Невѣстой
Въ аметистныхъ мѣхахъ шеншила.

Идутъ, идутъ Поэты,
Чтобы новыя пѣсни пѣть.
Но душа ихъ въ мѣхъ одѣта...
Въ ней—грѣхъ,
И ей не летѣть!..

Одни опустили четки...
У другихъ лорнетъ затихъ.
Брилліанто-крестами кокотки
Поразили,
Пронзили
Ихъ.—

«Отчего такъ много кокотокъ,
Такъ много кокотокъ здѣсь?!
Неужели изъ дѣвушекъ Кто то,
Кто то высосалъ сокъ ихъ весь?!.

Неужели дѣвушки въ страхѣ
Отказались придти на панель,
Когда пасть жасминной рубахѣ
Приказала святая цѣль?!.

Убоялись?!. Милѣй имъ дрема!..
Не зажгли свѣчу души...
Обнажись царица Содома!..
Обнажиться всѣмъ прикажи»..

Задрожали витринъ лампады
Отъ такихъ неожиданныхъ словъ.
И кокотки, сорвавъ наряды,
Превратили алтарь въ альковъ...

Тонкая съ иконкой маленькой
Обнажиться дала приказъ...
Вспыхнулъ ротъ ея аленькій
И погасъ.

Но увидѣлъ я то, что надо мнѣ
И пошелъ за Царицей я,—
Была цикламенно-ладанной
Черная Ектенія...

«Плотскому тѣлу—Вакхальное!..
Кокотки ему хороши...
А гдѣ напѣвы пасхальные,
Дальніе,
Воскресшей души?».

Но поэты обнявъ кокотокъ
Оглушились набатомъ зла.
Острія четокъ—
Плетокъ

Кусали,
Рвали
Тѣла.

Лишь двѣ съ лицами странными
Не сняли сиреневый мѣхъ,
Остались для всѣхъ чужестранными,
И былъ въ нихъ высшій грѣхъ.—

А я съ кокоткой тонкой,
Желая любить остро—
Сѣлъ въ авто. И плача ребенкомъ,
Пьеро плясалъ болеро.
. . . . . .

А потомъ сошлись мы вмѣстѣ
У вялыхъ, усталыхъ ракитъ..
„Братья, гдѣ же невѣсты?..“
Каждый молчитъ.

Душа растеряла всѣ перья,
Бившихся,
Вившихся крылъ,
„Что же,—опять—Невѣрье?...“
Я спросилъ.

Но гдѣ то колоколъ дрожный
Осторожно
Надежду несъ.—
„Братья, я знаю, можно
Испить намъ Дѣвьихъ Росъ...“

И пусть, грѣхомъ палимы,
Мы сняли съ гетеръ мѣха...
Забудемъ!..
Иже херувимы
О чудѣ
Будемъ вздыхать...

Сердце—черныя фрезіи...
Тѣло съ кокоткой нагой...
Но воскреснулъ богъ Поэзіи,
Расточились Врази Его!...

Душа томится попрежнему,
Но съ грѣха свалился мѣхъ;
Не дадимъ...не дадимъ одеждъ ему.
Нынѣ и присно, во вѣкъ...

Къ раздѣтой душѣ, раздѣтыя
Дѣвы
Для сѣва
Придутъ...
Нѣгою въ снѣгѣ согрѣтыя,
Душистый сокъ принесутъ!...

Скоро съ тобой мы расколемся
Черная Ектенія...
„Съ миромъ Господу Богу помолимся,
Да святятся Люди Твоя.“

РОЩА ДНЕЙ.

Всеволоду Иванову съ вѣрой, что это будетъ.

Ростки... Ростки...
И дней побѣги.
Тоски
Не надо
У сада
Нѣги.

Въ кольцѣ огней
Зѣваютъ пушки...
Слышнѣй
Зовутъ
Въ уютъ
Опушки...

Трава въ росѣ...
Рѣчные бульки...
И рады всѣ:
Шмель...
Ель...
Косульки...

Настанетъ день,
Который не былъ!
Вездѣ
Простой,
Святой,
Какъ небо.

КАМЕННОДУШИМЪ.

Н. В. Устрялову во славу созиданія.

Жалѣете Реймскій соборъ?!.
Скорбите о порчѣ Лувена.
А то не страшитъ, что живые собой
Платили за мертвыя стѣны?!.

Живые нужны, а соборы построимъ
И новыя книги дадимъ.
И будутъ соборы прекраснѣе Трои.
А книги свѣжѣе воды...

Вамъ жаль своихъ пыльныхъ ,какъ вы,
пинакотекъ?!.
Бездушная жалость рабовъ!...
Живой... это больше большихъ библіотекъ!
Живой... это выше чѣмъ Реймскій соборъ!

ОБЛАКА.

Облака!...

Лакать
Не уставая—
Этой стаи
Вышній
Пышный летъ,—
И душа
Надземно выростая,
Хороша...
Воздушна...
И поетъ:

Были дни...
И есть они...
И будутъ!

Дарій...
Гунны...
Скифы...
Ганнибалъ...

Но въ вѣкахъ
Не измѣнилось чудо
Облаковъ—
Чей летъ—жемчужный балъ.

Всѣ эпохи —тамъ...
Перегорѣли.—
Всѣ дѣла воздушны
И скользятъ. —
Дни цвѣли...
Цвѣтутъ...
Вотъ облетѣли...—
Облака лишь выжелтить нельзя!

Облака—всѣ мы:
И ты...
И этотъ...
И любовь...
И злоба...
И тоска...
И душа убійцы,
И—поэта...
Каждый разный любитъ облака.

Часто—часто никнутъ надо мною
Бездны неба въ пепельныхъ тонахъ,—
На мгновенье вижу жизни дно я—
Правда вотъ!.

Минута...

Не она!

Облака бѣгутъ...бѣгутъ и нѣжатъ.
Кровь земли на небѣ—дымный ледъ.
Въ облакахъ, быть можетъ, вздохъ изъ Льежа
И слеза парижскаго камло...

Въ облакахъ, быть можетъ, стоны павшихъ.
Тѣхъ, что „какъ то". умерли въ кустахъ—
Безъ того, чтобъ кто нибудь рыдавшихъ
Бережно поцѣловалъ въ уста.

Бедуинъ, затерянный въ пустынѣ...
Дѣвушка, изсохшая въ камняхъ,—
Всѣ они въ лазоревой равнинѣ
Ѣдутъ на стогорбыхъ облакахъ...

Все—вверху:
Минуты...
Дни...
Эпохи...

Комнатки...
Бульвары...
Города...

Ближе всѣхъ къ заброшенному Богу
Облаковъ пушистая гряда!

Ближе всѣхъ... внимательнѣй... и чище...
Потому то вѣчно отъ земли
Черный взоръ стремится въ высь и ищетъ
Облаковъ надмірныхъ корабли...

И поэтъ, влачащій цѣпи будней,
И торгашъ—мечтательный на мигъ,—
Въ облакахъ читаютъ сказъ о чудномъ,
Отъ земныхъ освободясь веригъ.

«Не грустите дѣвушки о смерти...
По душѣ земная вамъ игра,
Но для васъ на небѣ—намъ повѣрьте—
Ужъ давно готовъ Жемчужный Храмъ!».

Въ облакахъ—невоплощенья Баха...
То, что думалъ выпѣть Берліозъ,—
И о чемъ хотѣлъ Бетховенъ плакать.
И дожди, на жизнь не павшихъ, грезъ.

Все равно имъ, что земля содѣетъ...
Все равно имъ, лѣто иль зима...
Пробѣгаютъ...
Таютъ...
Пляшутъ...
Рѣютъ...
Лишь для нихъ весь Космосъ—не тюрьма.

И когда уснувшія долины
Вспоретъ аль предзорьнаго клыка,
Какъ всегда воздушны и невинны
Тамъ—
Вверху—
Пасутся облака.

И надъ дикимъ воемъ страшныхъ пашенъ,
Надъ пожаромъ, болью и войной,—
Съ каждымъ мигомъ радостнѣй и краше,
Облака суютъ звено въ звено.

День и ночь.
Прозрачный, мудрый вечеръ
Розовый, какъ дѣвушки щека...
Неизмѣнно зажигаютъ свѣчи
Въ потемнѣвшемъ небѣ облака.

И всегда, всегда они надъ нами...
И всегда намъ милъ ихъ нѣжный слѣдъ.
Пусть ступаютъ дни, бредя слонами,—
Облаковъ не растоптать имъ... Нѣтъ!..

Облака:—
Пролетность...
Мимолетность.
Легкій пухъ...
На раны жизни—снѣгъ.

Облака:—
Рѣка...
Вѣка...
Дремотность...
Благодать нѣжнѣйшихъ самыхъ нѣгъ,

Тяжесть жизни въ небѣ—росный ладанъ.
Дымки сновъ—желѣзные вѣка...
Для мечты—сладчайшая услада
Облака...
Тамъ—
Въ небѣ—
Облака...

СОДЕРЖАНІЕ.

I. РАЗБРЫЗГЪ.

Радуга дней:
- Понедѣльникъ . . . 7
- Вторникъ . . . 7
- Среда . . . 8
- Четвергъ . . . 8
- Пятница . . . 9
- Суббота . . . 9
- Воскресенье . . . 10

Новый годъ . . . 11

Фіалковая симфонія:
- Интродукція . . . 12
- Andante in modo di canzona . . . 12
- Scherzo pizzicato . . . 13
- Finale . . . 14

„Концертъ“ де Сварта . . . 15

Съ жасминомъ:
- Приди бѣлоснѣжная . . . 16
- Ты пришла, наконецъ, ты пришла . . . 16
- Играла бѣлыми цвѣтами . . . 17
- „Не провожай меня“ сказала ты . . . 18
- Она одѣлась не спѣша . . . 18
- Я укрылъ горящій лобъ въ жасминахъ . . . 19
- Быстро ночь наступаетъ . . . 19

Въ разлукѣ . . . 21

Пауза . . . 22

Освобожденіе . . . 23

Опять . . . 25

Кермесъ . . . 26

Все въ туфлѣ . . . 27

Venenum Amorosum:
- Souvenir de volupté . . . 28
- Vigilia . . . 28
- Утонченная месть . . . 28
- Крикъ . . . 29

Сердце молится . . . 30

II. РУПІИ ХРУПИ.

Вечерній дождь 33
Акафистъ 34
Немного Васъ 35
Ждущая 36
Нюансъ 37
Ноктюрналія 38
Дѣвушкѣ съ Байкала 39
Тріединая ночь:
Я въ ложѣ. У рампы—япадка. 40
Я у нея въ отелѣ 40
Мы въ лодкѣ.. Молчанье лагуны 41
Великолѣпный конецъ 42
Лимузинъ-саркофагъ 44
Воздушная смерть 46
Неожиданная инфанта 48
Пашельная колыбельная 50
Родное далекое 52
Осенникъ 53
О Сотой веснѣ 54

III. ЛАГУНЫ ЮНИ.

Верескной дѣвушкѣ 57
Молодой геніанкѣ 58
Бликъ 59
Первый разъ 60
Спрень тріольная:
Вы двадцать весенъ не цвѣли 61
Теперь Вамъ двадцать. Въ жизнь, смѣлѣе! . 61
„Вы-первый"... ты сказала мнѣ 61
Цвѣты, что долго не цвѣли 62
Пять лепестковъ сирень имѣетъ 62
Въ фойе 63
Признаніе 64
Крещенскій май 66
Солнценабатъ 68
Къ веснѣ 70
Различіе 71
Одуванчикъ-Юность 72

IV. СМАРАГДОВЫЕ ТРАНСЫ.

Генріэта:
Ты вся какая то испепеленная 75
Гнопился красный глазъ автомобиля 76
Ничего.. Только шорохи флейтно-вдумчивой страсти 76

Торопливо свѣтало... проходили китайцы . . 77
Ты лежишь и куришь папироску 77
Я зову тебя Генри, потому что такъ лучше.. 77
Черемуха на асфальтѣ:
Я купилъ тебѣ черемуху у китайца на панели. 79
Мы сидимъ и глазами обнимаемъ другъ друга. 80
„Бѣлая черемуха"... купите! купите! 81
Тайфунная сказка 82
Грустишь:
Больнички бегоніи 86
Четки и грѣхъ 86
Сердце въ петлицѣ 87
Le Giroflée 88
Грустящій хлыстъ 88
Плачущій идольчикъ 89
Улыбальчики-пальчики. 89
Смарагдовые трансы:
Ваши губы не алы, простите, Сиьора . . . 91
Мнѣ все равно, что будетъ завтра или въ часы, что будутъ послѣ.. 92

V. ЛАСКОВАЯ АТАКА.

Новогодье нѣжнаго грѣшника:
Я—Пьеро хромой и одноглазый 97
Еще только вечеръ, но душа вальспруетъ . 98
Пронесъ вшубившійся покупокъ кучу . . . 98
Душа радовалась, а потомъ, продрогла . . . 99
Я брожу.. упорствую.. волнуюсь.. 99
Подбѣгаю ко всякому: „Вы Нѣжность купили?" 100
Одиннадцать. Появляются дамы.. Теплый смѣхъ.. 100
Пробѣжала неровная пара 100
Тѣ, кого знаю-старые и смѣшно съ ними встрѣчать Новый годъ 101
Новый Годъ—бумажный кораблякъ... . . . 102
Не могутъ родить красоту и не могутъ почувствовать 102
Я набредъ на пустой кіоскъ 103
На улицѣ 104
Раскройте душу 105
Всенѣжь 106
Ектенія Поэтовъ 108
Роща дней 115
Каменнодушнымъ 116
Облака 117